

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Факультет журналистики

«ОСТАНУСЬ Я В ПЕРВОЙ ЦЕПИ...»

---

*К 65-летию Великой Победы
Профессорам, доцентам, преподавателям,
сотрудникам факультета журналистики МГУ –
участникам Великой Отечественной войны
посвящается*

Москва – 2010

Факультет журналистики МГУ сердечно благодарит
Агентство специальных проектов «ЮВЭРС»
за печать первого издания этого сборника (М., 2005).

«Останусь я в первой цепи...» – М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. – Изд. 2-е. – 40 с.

Этот сборник – рассказ о профессорах, доцентах, преподавателях и сотрудниках факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова – участниках Великой Отечественной войны.

Издание подготовлено кафедрой редакционно-издательского дела и информатики и студентами редакционно-издательского отделения.

Отв. редактор: ст. преп. О. С. Стыкалина.
Консультант: проф. И. В. Кузнецов.
Редакторы: Н. П. Филиппова, Анна Таривердиева.
Дизайн обложки и верстка: Сергей Козачек.

ОТ АВТОРОВ

Названием сборника «Останусь я в первой цепи...» стала строчка из стихотворения Ивана Васильевича Кузнецова, профессора, долгое время заведовавшего кафедрой истории отечественных средств массовой информации факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, фронтовика, участника Великой Отечественной войны. Готовя сборник, мы убедились: эти слова относятся ко всем нашим преподавателям – профессорам, доцентам, сотрудникам, которые с честью прошли огненными военными дорогами и, победив, посвятили себя журналистике.

Быть в первой цепи дано не каждому. Это жизненная позиция: вызывать огонь на себя, вести за собой людей, быть первопроходцем в постижении неизведанного. Такое отношение к жизни как факел: зажигает всех, кто находится рядом. И нашему поколению студенчества безмерно повезло встречать 65-летие Победы вместе с теми, кто ее завоевывал. Мы постигаем не только науки. Пример стойкости и негибаемости, творческой одержимости и устремленности в достижении цели – у нас перед глазами.

Мы беседовали с преподавателями – бывшими фронтовиками, которые и сегодня составляют славу и гордость факультета. Расспрашивали родственников и коллег тех, кто сегодня уже не встретит этот праздник с нами. Использовали архивы, в которых собраны публикации, посвященные ратному и трудовому пути наших наставников. Прочитав книги, посвященные факультету, «Наш дом на Моховой», «Полвека на Моховой», «Факультет журналистики Московского государственного университета», иными глазами взглянули на наших преподавателей. И все же далеко не все у нас получилось так, как задумывалось. Бойцы из «первой цепи» щедро делились воспоминаниями о своем героическом военном прошлом.

На снимке:

*1-й ряд: Д. Э. Розенталь, А. В. Западов, Б. И. Есин, Т. Г. Почтенная, Л. К. Громакова, Т. М. Чернова, И. В. Кузнецов
2-й ряд: М. В. Игнатов, С. М. Гуревич, Н. А. Шиманов, О. Г. Панкина, М. Т. Панченко, В. Н. Ружников, А. Я. Юровский, А. Г. Бочаров, П. И. Пронин*

Многим поколениям студентов журфака открыто завидовали студенты других вузов: как же, наши учились у Розенталя! По его учебникам и пособиям занимаемся сейчас и мы. А в военное лихолетье Дитмар Эльяшевич встал в ряды защитников Отечества.

Семен Иосифович Жуков был одним из крупнейших знатоков фронтовой печати времен Великой Отечественной войны. А начало исследованиям было положено на полях сражений, где он был редактором одной из лучших фронтовых газет «За честь Родины», издававшейся на Первом Украинском фронте. Тимофей Иванович Антропов руководил газетой Юго-Западного фронта «Советский воин» и изданием 23-й армии «Знамя победы». Газету Первой воздушной армии возглавлял Анатолий Иванович Лангфанг. Алексей Александрович Замотаев был ответственным секретарем газеты Южного фронта «Во славу Родины». Павел Иванович Пронин до 1944 года был ответственным секретарем центральной военно-морской газеты «Красный флот», откуда был переведен в секретариат «Известий». Иван Владимирович Чебушев, военный корреспондент газеты «За честь Родины», в составе Первого Украинского фронта прошел до самой Австрии.

Михаил Алексеевич Сиволобов, преподававший на факультете, в годы войны был направлен «Правдой» к партизанам Брянщины, Украины и Белоруссии. За мужество, проявленное в тылу врага, он одним из первых журналистов был награжден орденом Красного Знамени.

Лидия Карловна Громакова, москвичка из Серебряного Бора, добровольцем пошла на фронт. Ей предписано было стать медицинским работником. В качестве хирургической сестры она прошла через Сталинград, Воронеж, Курск. Временами ей приходилось выхаживать одновременно более ста раненых бойцов.

Через горнило войны прошли кавалеры многих боевых наград: Михаил Васильевич Игнатов, Владимир Николаевич Вакуров, Михаил Трофимович Панченко, Татьяна Михайловна Чернова, Александр Васильевич Калинин, Юрий Филиппович Шведов.

Дорогие наши Учителя!

В дни великого праздника, в котором есть и ваш ратный труд, в дни 65-летия Победы над фашистской Германией нам особенно хочется сказать вам самые добрые и теплые слова признательности. За то, что вы сделали тогда. За то, что вы и теперь в «первой цепи». Будьте здоровы и бодры – во славу факультета, на радость нам.

Студенты редакционно-издательского отделения:

***Юлия Весенева,
Дамеш Джуламанова,
Елена Зонова,
Юлия Климова,
Наталья Ковылина,
Валерий Козачек,
Егор Кучер,
Алексей Лисенков,
Андрей Самарин,
Анна Соколова,
Анна Таривердиева.***

***О. С. Стыкалина,
старший преподаватель.***

«КОМБАТУ-429» ТОЛЬКО ЗА НЕДЕЛЮ ДО НОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ ИСПОЛНИЛОСЬ... ВСЕГО 19 ЛЕТ!»

БЕГЛОВ Спартак Иванович (1924, Сасово Рязанской обл. – 2005, Москва) – профессор-консультант кафедры зарубежной журналистики и литературы, один из основателей Агентства печати «Новости».

1949 г. – окончил МГИМО.

С 1969 г. совмещал журналистскую деятельность с преподаванием на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

1970 г. – доктор исторических наук, профессор. Подполковник в отставке. Заслуженный работник культуры РСФСР.

Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, тремя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами Дружбы народов.

Лауреат Международной премии «Золотой Меркурий», Международной премии журналистов им. Ю. Фучика, премии им. В. В. Воровского Союза журналистов СССР.

Этой фотографии шестьдесят с лишним лет. Перед нами командир батальона Беглов, которому нет еще и двадцати. По возрасту – мальчишка, а по взгляду, по характеру, который проглядывается, – бесстрашный воин. Как могло случиться, что такой молодой человек возглавил столь крупную воинскую часть? Наверное, это произошло потому, что героическое время нуждалось в богатырях и порождало их. Богатырях не по объему мышц – по силе духа. О таких бойцах, как юный комбат, писал в своих стихах профессор факультета журналистики Алексей Павлович Киселев:

В атаку! – так, значит, в атаку.

В штыки! – значит, братицы, в штыки.

И шли в рукопашный и с маху

Крошили фашистам клыки.

На войне как на войне. У нерешительности, неуверенности мгновенно ориентироваться в изменившейся обстановке, неготовности брать ответственность на себя высокая цена: ненужные жертвы, гибель людей. И те, кто прошел суровую фронтовую школу, знают: военная закалка – высшей пробы.

У Спартака Ивановича Беглова жизнь сложилась так, что эта закалка, полученная на полях сражений Великой Отечественной, не раз выручала его и в мирной, послевоенной жизни. Окончив в 1949 году Московский государственный институт международных отношений, он стал журналистом-международником. Сказать, что эта профессия в годы «холодной войны» требовала крайнего напряжения сил – ничего не сказать. Недруги СССР за рубежом не жалели сил, чтобы представить нашу страну в качестве главного источника ядерной угрозы. И требовалось определенное мужество, выдержка, убежденность, не говоря уже о высочайшем профессионализме, чтобы, например, в Лондоне издавать «Советский еженедельник», пропагандирующий наш образ жизни. С 1956 по 1960 годы Спартак

Иванович был его главным редактором в качестве представителя там Совинформбюро. Позже, в начале 60-х, он был одним из основателей Агентства печати «Новости», а затем возглавлял корреспондентский пункт АПН в Великобритании. Мастерству С. И. Беглова отдавали дань коллеги: в 1972 – 1984 годах он был руководителем Группы политобозревателей АПН, председателем секции журналистов-международников Союза журналистов Москвы, многократным лауреатом международных и национальных профессиональных премий. В роли политического обозревателя он был хорошо известен не только на Родине, в СССР, но и за рубежом. Его статьи и комментарии на протяжении многих лет регулярно печатались в крупнейших мировых изданиях.

Доскональное знание реалий, в которых ему приходилось жить и трудиться, помогло Беглову и в научной работе. Не понаслышке судит он о методах и приемах зарубежной прессы, даже малейшие нюансы издательской политики крупнейших монополий слова не остаются незамеченными в исследованиях профессора, доктора исторических наук С. И. Беглова. И, читая монографии, что вышли из-под его пера: «Монополии слова», «Мир прессы и пресса мира», «Внешнеполитическая пропаганда», «Империя меняет адрес», «Четвертая власть: британская модель», понимаешь: это взгляд очевидца.

Но сегодня, в дни 65-летия Победы, публикуя воспоминания Спартака Ивановича, мы возвращаемся в его юность.

«В военно-историческом очерке о 52-й стрелковой дивизии, с которой я прошел вторую половину своего фронтового пути, есть такие строки: “В ходе тяжелых, непрерывных боев (имеются в виду Курская битва и Харьковская наступательная операция в августе – сентябре 1943 г. – С.Б.) значительно поредели роты, батальоны. В стрелковых полках создается по одному

батальону... Батальонами командовали: в 431-м стрелковом полку – старший лейтенант И. Ф. Рогов, в 429-м – капитан С. И. Беглов...”

Остается добавить лишь одну любопытную деталь: “комбату-429” только за неделю до нового назначения исполнилось... всего 19 лет!

Невероятно? Но на то и война! На фронте мне приходилось встречать и тридцатилетних полковых командиров, не говоря уж о множестве совсем юных командиров взводов и артиллерийских батареи.

Весть о том, что гитлеровские войска вторглись в нашу страну, застала меня и моих друзей утром того дня, когда мы, учащиеся подмосковной (г. Пушкино) школы расходились с выпускного вечера. Еще только несколько часов назад мы обсуждали, кто какую специальность окончательно выберет, в какой институт или училище поступит. Теперь же речь могла идти только об одной профессии – военной. За исключением меня (в школу я пошел на год раньше обычного возраста), всем другим ребятам – моим одноклассникам – тогда уже исполнилось 18 лет, и они вскоре начали получать повестки о призыве в Красную Армию.

Что касается меня, то сколько я ни “осаждал” военкомат, ответ был один: “придет время призывать твой год – получишь повестку”. Сделал попытку поступить в аэроклуб при Осоавиахиме, но там врачи нашли у меня какой-то недостаток в вестибулярном аппарате. Ладно, если не суждено летать, то пойду хотя бы туда, где научат строить самолеты! Поскольку у меня был аттестат об окончании школы с отличием, то проблем с поступлением в МАИ не было.

Но вот 2 октября 1941-го (я на всю жизнь запомнил эту дату) пришла еще одна тревожная весть: немцы прорвали оборону на самых ближних подступах к Москве. И в тот же день мы узнали, что Ленинградскому РК ВЛКСМ Москвы поручено подобрать добровольцев для формирования подразделений из бойцов-лыжников. А лыжи были как раз одним из тех видов спорта, которыми я, как и многие мои сверстники, увлекался в те годы.

К счастью, в райкоме комсомола ни у кого не возникло вопроса по поводу моего года рождения. Так пробил мой “звездный час”!

Сначала был учебный запасной полк. Потом – эшелонам в Тулу. Оттуда – лыжный бросок к передовой: в белых маскхалатах и шароварах. Наш 118-й отдельный лыжный батальон был при-

дан Первому гвардейскому кавалерийскому корпусу генерала Белова. Конники снисходительно поглядывают на лыжников: мол, за кавалерией не так просто угнаться! Но немцы в ходе двухмесячного отхода под мощным контрударом войск Западного фронта все-таки научились обороняться и в зимних условиях: превращать деревенские дома в пулеметные ДЗОТы, поливать водой возвышенные подступы к населенным пунктам. В результате, как конникам, так и лыжникам пришлось “спешиться”, учиться ходить в атаку и по-пластунски.

В конце января 1942 г. – первое ранение, легкое. Из госпиталя – прямиком на двухмесячные курсы младших лейтенантов. Закончив их с отличием, был произведен сразу в лейтенанты. Первая должность – адъютант младший (помощник начштаба батальона) во время летних оборонительных боев в районе г. Юхнова на реке Угре. Затем курсы усовершенствования комсостава Западного фронта в Подольске. Под занавес 1942 г. я уже в 429-м стрелковом полку 52-й стрелковой дивизии в звании старшего лейтенанта и в должности адъютанта старшего (начальника штаба) батальона.

Из-под Ржева дивизия вскоре была перебросена в район Сталинграда, дабы, в связи с завершением разгрома группировки фон Паулоса, включиться в развернувшийся по широкому фронту наступательный проход Советской армии через левобережную Украину. К выходу на рубеж реки Северский Донец (март 1943 г.) я был назначен заместителем командира батальона, а 4 июня 1943 г. мне было присвоено звание капитана (по должности командира батальона, как говорилось в приказе командования дивизии), и я был переведен в штаб полка на роль первого помощника начальника штаба. Приняв батальон после освобождения Харькова, я командовал им, к сожалению, недолго. Тяжелое ранение разрывной пулей

выбило меня из строя осенью того же года. А дивизия наша – 52-я Шуменская-Венская, дважды Краснознаменная – дошла до столицы Австрии.

...Что и говорить: война предельно “уплотняет” время, придает особенное ускорение способности человека принимать решения в сложных условиях, мобилизует в нем все духовные и физические силы, готовность выполнить свой долг до конца.

Разумеется, при одном условии: если это – справедливая война и человек убежден в том, что сражается за правое дело.»

«МИНУВШАЯ ВОЙНА ТЕСНО ПЕРЕПЛЕТЕНА С СОВРЕМЕННОСТЬЮ...»

БОЧАРОВ Анатолий Георгиевич (1922 – 1997, Москва) – профессор, основатель кафедры литературно-художественной критики и публицистики. Заведовал кафедрой в 1976 – 1994 гг.

1950 г. – окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

С 1967 г. работал на факультете журналистики.

1972 г. – доктор филологических наук.

1974 г. – профессор. Более 600 научных работ, в их числе:

Человек и война, 1973;

Требовательная любовь, 1977;

Бесконечность поиска, 1982;

Чем жива литература?, 1986;

Василий Гроссман: Жизнь. Творчество. Судьба, 1990.

Лауреат премии им. М. В. Ломоносова.

Награжден боевыми наградами.

Книга «Человек и война» Анатолия Георгиевича Бочарова, профессора нашего факультета, основателя кафедры литературно-художественной критики, долгие годы ею заведовавшего, не могла не увидеть свет. «Кто был на войне, тот рано или поздно обращается к этой теме. Это закон. Где-то в глубине сердца хранит он память о войне, пока прошлое властно не позовёт к себе», – утверждал Анатолий Георгиевич.

«Военное прошлое» начиналось, как и у всего его поколения, в июне 1941-го.

Из-за сильной близорукости его не взяли в армию, но студент-второкурсник Бочаров сумел таки прорваться в школу военных переводчиков, после которой следовала дивизионная разведка.

В очерке «Ода лектору» Игоря Пончуновича Магая читаем: «Нужно приложить очень большие усилия, чтобы представить мирного Бочарова в роли лихого разведчика, которого забрасывали к партизанам на Витебщину, который брал “языка”, подслушивал немцев и вообще носил военную форму. Но факт остается фактом. В Праздник Победы скромный Бочаров надевает свои ордена и медали – предмет особой гордости».

Отважный воин, он стал не менее смелым критиком, считая, что «гордость участника войны, честно выполнившего свой ратный долг, закаляет чувство человеческого достоинства». И именно это достоинство давало ему право отстаивать свои взгляды, не фальшивя и не лукавя. Он стал выдающимся литературоведом, создателем своей научной школы.

Грустно, что нам с однокурсниками не доведется слышать блистательные лекции Мастера: без внешних эффектов, но захватывающие глубиной мысли, размахом рассуждений. И все же у нас есть возможность проникнуться его чувства-

ми, уловить идеи. Книга «Человек и война» – это голос профессора Бочарова. Прислушаемся к нему. И попытаемся представить, каким могло бы быть интервью с ним.

– *Изменила ли война человека?*

– «Минувшая война необычайно обострила в обществе проблему нравственной активности каждого человека и в первую очередь его ответственности за все вокруг происходящее.»

– *Великая Отечественная война – трагическое событие для всего народа. А литературу привлекают отдельные судьбы. Почему?*

– «Для военной прозы имеет особое значение взгляд на войну через призму отдельной человеческой судьбы. Такой взгляд может способствовать пацифистским настроениям: ведь война несет каждой отдельной личности горе, страдания, смерть. Но благодаря ему удастся увидеть и всю глубину героизма: вдумчивое, пристальное изображение противоречивых чувств, психологической правды поступков передает накал внутренней борьбы, победу человеческой воли над страхом, над инстинктом самосохранения, помогает исследовать нравственный потенциал человека, познавать, почему в одинаковых обстоятельствах люди проявляют себя по-разному.

Даже будучи “рядовым” человеком, не смиряться с психологией заурядного человека, стремиться к большему, верить в свои силы, умноженные на силу коллектива, – такова позиция, утверждаемая лучшими книгами о войне. Человек, теряющий веру в себя, утрачивает веру в других.»

– *Стали ли жертвами войны «рядовые» люди, потерявшие веру в себя и других?*

– «Лучшие книги о войне показали, сколь различны понятия: приносить жертву и сознавать

себя жертвой. Жертва, на которую в исключительных случаях решается человек, – высоко нравственна, оправданна и общественно необходима; ощущать же себя жертвой безнравственно, вредно, губительно для человека и общества.

Гуманистическое сочувствие человеку не выливается в нашей военной прозе в поэтизацию личности, стойко, но пассивно несущей свой крест. Не просто сострадать, не просто жалеть, а бороться за человека, не сваливать вину на всевластный трагизм фронтового бытия, а видеть активную жизнестойкость личности – в этом заключается идейный запал лучших книг о войне.

Военная проза сумела раскрыть тот исполненный большого гуманистического смысла процесс, как к самому обыкновенному рядовому воину – защищает ли он последние метры земли на правом берегу Волги или подступы к глухому переезду – приходит сознание, что и от него, а не только от решений командования зависит, будет ли одержана победа.»

– *В чем проявляется свобода личности?*

– «Истинная свобода представляет собой сознательный выбор определенной позиции, основанной на представлении о нравственной ценности своего поступка, на внутреннем убеждении в том, что следует поступить именно так, а не иначе. И стремление выявить внутреннюю, органичную, жизнотворную активность каждого человека вызвало в нашей прозе интерес к действиям воина, не прекращающего сражаться, даже если он оказывается вне строя.»

– *Малодушие или самоотверженность? Трусость или отвага? Проблема выбора стояла едва ли не перед каждым человеком. Какое решение этой проблемы видит литература?*

– «Большинство коллизий советской военной прозы как раз и связано с тем, что на фронте в наиболее, может быть, обнаженной форме сталкиваются естественное стремление человека сохранить жизнь и тяжелая общественная необходимость ценой неотвратимых потерь добыть свободу, добыть победу.

Наша военная проза сумела передать, как переплелись в войну страшные трагедии и высокие проявления человеческой стойкости, слабодушие единиц и массовый героизм, ни с чем не сравнимые бедствия и ни с чем не сравнимая радость победы над страшнейшим врагом человечества. Органично и естественно преодолевает она противоречия, неразрешимые для однолинейного мышления: как можно ненавидеть войну и быть готовым воевать за правое дело, говорить о дружбе народов и воспевать уничтоже-

ние солдат вражеской армии, славить торжество жизни и воспитывать готовность к смерти.»

– *Преодоление этих противоречий сделало победу еще дороже сердцу советского солдата, что и отразилось в военной прозе, не правда ли?*

– «Пожалуй, можно так определить гуманистическую триаду лучших наших книг о войне: воспитывать великую науку ненависти к врагу; поэтизировать героя, отдающего все во имя победы; печалиться над тем, какое человеческое богатство бессмысленно и необратимо уносит война. И уже в пределах этой триады встает для советской военной прозы вопрос о цене победы – вопрос, в котором преломились важнейшие аспекты взаимоотношений личности и общества. Для личности он решался в столкновении естественного желания жить и осознаваемой необходимости не жалеть ни сил, ни жизни во имя общей победы.»

– *В чем выражалось это «естественное желание жить» и как оно повлияло на исход войны?*

– «Подобно тому как в пустыне с особенной силой ощущается вся ценность обычной воды, так в испытаниях войны обостренно воспринимались и выявляли себя простые основы человеческого бытия. Нельзя представить себе военную прозу без раздумий о самых глубинных, самых “корневых” понятиях – о жизни и смерти, добре и зле, силе и бессилии, величии и ничтожестве, искренности и лжи, о любви, долге, правде и красоте.

Война могла быть иной по тактическим и стратегическим успехам, по жертвам с той или другой стороны, по занятым или не занятым территориям, но она не могла быть иной по исходу. Встретились не две армии и даже не два народа, а два мира. И победить мог лишь тот мир, который отстаивал жизнь, достойную человека.»

– *Ваше поколение победило в этой борьбе, воплотило свои чувства и воспоминания в книгах о войне. Но годы идут. В чем заключается ныне важность, актуальность военной прозы? Почему рассказ о прошлом не просто возможен, но действительно необходим?*

– «Книги о Великой Отечественной войне не памятник и не надгробие, они живая наша сегодняшняя гордость и боль; в них не только уроки прошлого, но и урок на будущее, не только проклятие войне, но и прославление воина, не только скорбь о принесенных жертвах, но и мощное оружие в воспитании качеств бойца за общее дело, не только дань памяти погибшим, но и тот долг, который возлагает на себя каждый из нас, помня об их подвиге.

Подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне, все им пережитое и им свершенное,

его беспредельное мужество, патриотическое самопожертвование, умение побеждать – это моральный капитал, из которого все новые и новые поколения будут черпать духовную силу. Надежды и мечты людей, спасших человечество, их подвиги во имя грядущего входят по праву духовной преемственности в нашу современность, становятся неотъемлемыми чертами духовного облика народа, активно участвуют в утверждении тех нравственных норм, нравственных критериев, без которых нет и “мирной” жизни.

Минувшая война тесно переплетена с современностью. Не только потому, что еще встречаются ее следы, и не только потому, что трудно затягиваются раны в сердцах людей – гораздо труднее, чем восстанавливаются города и зарастают травой траншеи на безымянных высотах, но и потому, что, по словам В. Быкова, в войне “видятся очень многие начала, входящие в наши дни и выходящие в будущее”.

Рассказывать о войне – это не только воспеть героев, обличить изменников народному делу, художественно воссоздать наиболее значительные битвы, но подчас и найти в образах и конфликтах того времени ключ к ясному пониманию вопросов, которые бывают скрыты, запутаны в повседневной многоликости “мирного времени”.

– *Насколько современно понятие «подвиг» и встречаются ли в наше время герои? Нужны ли*

они сегодня так же, как необходимы были в годы войны?

– «Понятие подвига, героического деяния – в первом ряду тех гуманистических ценностей, за которые идет борьба в сегодняшнем мире. Есть ли смысл в подвиге? Существуют ли цели, ради которых человек должен жертвовать своей жизнью? И что такое героическая личность в искусстве? – отражение существенных тенденций народной жизни или утешительная разрядка, компенсация неосуществимых порывов для маленького человека, измотанного бессмысленной возней с бесконечными дрязгами бытия?

Единственно, что нельзя отрицать: потребность в герое, в героике – несомненная и извечная черта народных представлений о жизни.

Героика и лирика – так можно с допустимой мерой условности определить основное содержание искусства всех времен и каждого народа. В характере героев отпечатывались все многообразные социальные, духовные искания и представления каждой эпохи. Разными были герои, разными бывали конкретные критерии героизма, но неизменно любовь венчала героя и величайшее из качеств человека – мужество перед лицом смерти. И конечно же, почитание героев будет существовать вечно, пока будет жить человечество.»

«МЫ БЫЛИ ВНУТРЕННЕ ГОТОВЫ К ЭТОЙ ВОЙНЕ...»

ГУРЕВИЧ Семен Моисеевич (1920, Томск) – профессор кафедры теории и экономики СМИ.

1948 г. – окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

С 1956 г. работает на факультете журналистики.

1956 г. – кандидат исторических наук.

1977 г. – доктор исторических наук.

1980 г. – профессор.

230 научных работ, в их числе книги:

Производство и оформление газеты, 1977;

Основы научной организации журналистского труда: Учеб. пособие, 1987;

Номер газеты, 2002;

Экономика отечественных СМИ, 2004;

Газета: вчера, сегодня, завтра: Учеб. пособие, 2004.

Удостоен боевых наград.

Заслуженный профессор Московского университета.

Пятнадцать лет назад, в канун 50-летия Победы в газете «Журналист» была опубликована статья под берущим за душу названием – «Последний юбилей».

«Вот и пришел он – наш последний юбилей.

Сколько их было до него – 5-летие Победы..., 15 лет..., 40... Наконец на пороге – 50! Но этот – особый. И не только потому, что он отмечает полвека. Но и потому, что он наверняка – последний. Для всего нашего поколения. Мо-

жет быть, некоторые из нас и доживут до следующего, но до 60-летия доберутся лишь единицы. Хотя бы краешек XXI века увидеть!..» – начинает свои размышления автор – профессор факультета журналистики Семен Моисеевич Гуревич.

Дорогой Семен Моисеевич! Какое для всех нас счастье, что ваши предсказания не сбылись. Что сегодня мы имеем возможность общаться с вами, учиться у вас, вместе встречать уже 65-летний юбилей Победы. И пусть он будет не последним – в вашей жизни, в жизни ваших боевых товарищей и коллег.

А то обращение к нам, молодежи, которое было опубликовано пятнадцать лет назад, современно звучит и сегодня. Разрешите, мы его приведем полностью.

«Юбилеи настраивают на размышления – о смысле прожитого, о том, что успели и что не успели сделать – ты и твои ровесники.

Помню, в годы так называемого застоя журналисты с иронией и издевкой снова и снова повторяли на газетных полосах слова одного мальчика, обращенные к бывшим фронтовикам: «Счастливые, у вас была война!»..

Да, у нас была война. Мы так и остались людьми той войны, и никуда нам от нее не уйти. От «сороковых-роковых», которые сломали жизнь всей нашей страны и каждого из нас. Но счастливые ли? Миллионы погибших, миллионы искалеченных – физически или духовно, миллионы потерпевших от сталинских репрессий... Потерявшие лучшие молодые годы. Выбитое поколение.

И все же, наверное, в чем-то прав был тот наивный мальчик. Война заставила нас увидеть и пережить то, что в другое время познать было невозможно. Мы-то хорошо знаем: любая война – это кровь, грязь, пот, вши и тошнотворно-сладкий трупный запах, непрерывное напряжение и неизвестность – сколько тебе еще осталось: месяц или только день?.. Но война – это и чувство общности, взаимной спасительной поддержки и взаимовыручки, воинского товарищества. На той войне мы увидели, как много в действительности значит обливаемый ныне со всех сторон грязью интернационализм. Рядом сражались русские и армяне, украинцы и евреи, татары и грузины... Родина у всех была одна. И убедились: кровь у всех одного цвета...

Это была война – суровый экзаменатор. Она показала, кто есть кто, обнажила самую суть человека. И помогла понять и принять главные в то время человеческие ценности: мужество, стойкость, честность, верность своему долгу.

Это была, как всегда, война молодых. Воевали и трудились все – и пожилые, и старые. Но глав-

ную тяжесть этой чудовищной бойни вынесли на себе молодые, 20 – 30-летние – цвет народа, цвет нации. Они гибли первыми, их оплакивали матери и отцы, их не дождалась неродившиеся от них дети.

Пережить эти годы и вырвать Победу удалось, наверное, и потому, что мы были внутренне готовы к этой войне. Знали, что придется воевать и кто враг, и что решится в этой войне – судьба Отечества, судьба мира. У нашей жизни появилась цель – отстоять свою страну, спасти своих родных, свой народ от фашизма. Мы были патриотами в подлинном, лучшем значении этого слова.

Да, в чем-то прав был тот наивный мальчик. Нам и в самом деле повезло. В том, что стали участниками действительно справедливой все-народной войны. В том, что соприкоснулись с самой Историей, которая творилась на наших глазах. В том, что дождалась Победы, что свято верили, что после нее наконец начнется новая, светлая – нормальная жизнь. И в том, что мы уйдем из жизни с чувством исполненного долга. Это много. Это очень много.

От войны никуда не деться. После нее осталось чувство братства и нежности к тем, кто прошел ее путями. К моим товарищам-ветеранам на родном факультете и к старым людям с орденскими планками на груди, которых встречаешь на улице.

И осталась память, воспоминания – у каждого свои. И у меня свои:

– Бесконечная очередь студентов МИФЛИ, собравшихся утром 22 июня 1941 года в институтском дворе: каждый хотел записаться добровольцем на фронт...

– Развалины цехов одного из московских авиазаводов, которые мы, студенты, разбирали после очередного налета немецких самолетов на столицу...

– Разрывы в ночном небе снарядов немецких зениток вокруг крошечного самолета, на котором нас, пару новоиспеченных офицеров связи, перебрасывали через линию фронта к белорусским партизанам...

– Застывшее лицо молодой женщины, бежавшей из минского гетто к партизанам, и ее тихий голос – рассказ о том, как ей пришлось задушить своего младенца, заплакавшего во время облавы эсэсовцев...

– Лучи немецких прожекторов, освещавших лесную просеку-дорогу, которую перебежали бойцы – мне довелось выводить их после ночного боя обратно через линию фронта в расположение наших войск...

– Неопишемое – это действительно нельзя описать – ликование людей на улицах Минска, услышавших весть о Победе...

Потом мне было дано счастье – работать с молодыми. В нашем университете, на нашем факультете. Учить их и воспитывать, помогать найти свое место в жизни. Им, пришедшим в жизнь потому, что 50 лет назад к нам пришла Победа.

В конце, как всегда, остается надежда: молодым удастся то, что не удалось, что так и не сумели сделать мы. Пройдет безумное смутное время, они поднимут страну на ноги, построят наконец лучшее общество. Им ни к чему война, ни малая, ни большая. Их главное дело – создать свой, нормальный мир. В котором будут отмечать их юбилеи. И, надеюсь, юбилеи Победы.

*Старший лейтенант запаса
профессор С. М. Гуревич.»*

В этих размышлениях немного личных подробностей. Они – в интервью, которое нам дает уже сегодня профессор Гуревич.

– Как началась война для вас, Семен Моисеевич?

– В 1941 году я был студентом МИФЛИ – Московского института истории философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского. Я учился на западном отделении литературного факультета в группе немецкого языка и литературы. Это был знаменитый гуманитарный институт. Такой плеяды ученых, профессоров и преподавателей, которая нас учила, я больше нигде не встречал. Я там проучился три года.

Мы, мальчики, были готовы к тому, что война начнется. Мы читали и размышляли о том, что происходило, и понимали: очень скоро нам придется воевать. Морально мы были готовы к этому. Я помню наш замечательный преподаватель, доцент Л. Е. Пинский, сказал: «Ребята, Бодлер – это прекрасно, и Анатолий Франс – прекрасно, и Гете, само собой, – прекрасно... Винтовку учите».

И вот началась война. Помню, по радио выступал Молотов. Я сразу поехал в институт в Сокольники и увидел огромную очередь: студенты записывались в добровольцы. Я тоже встал в эту очередь и записался. Какое-то время нас не трогали. А война уже идет. Как она начиналась, мы уже знали и удивлялись. Мы готовы были к тому, чтобы вступить на дорогу победы и – до самого конца, до Берлина. Оказалось все совсем не так.

Через какое-то время начались бомбежки Москвы. Крепко бомбили: разрушали дома, предприятия. Из нас, студентов, формировались команды, которые на автомашинах везли к местам обстрела – разбирать обломки.

Через какое-то время стали вызывать студентов в военкомат. Нас всех направили в запасной полк, который располагался в Арзамасе. Там мы находились больше месяца. Слушали радиосводки: поражение, поражение, отступление, отступление, отступление... И однажды увидели на шоссе колонны автомашин с москвичами, которые в панике эвакуировались. Немцы подходили к столице.

Из запасного полка нас стали распределять по различным военным училищам. Меня направили во Владимирское пехотное училище. Там готовили офицеров. Мы занимались: изучали оружие, стреляли, маршировали. Учились ходить по льду так, чтобы не падать (этими навыками я до сих пор пользуюсь). И скоро нас должны были выпустить с лейтенантскими погонами, но...

Однажды нас выстроили, и начальник училища дал команду: тем, кто знает немецкий язык, два шага вперед! На следующий день нас срочно обмундировали. И меня, юного младшего лейтенанта, отправили в Москву в Главное политуправление Красной Армии. Там я получил направление в 3-ю ударную армию на Белорусский фронт.

– Белоруссия же была оккупирована...

– Да, она практически вся была захвачена гитлеровцами. Я оказался в разведотделе Белорусского штаба партизанского движения, стал военным переводчиком. И почти всю войну провел с белорусскими партизанами, передвигался вместе со штабом. Одно время он располагался под Москвой. А потом стал перемещаться на запад, в Белоруссию. Я работал с документами, с пленными. Несколько раз меня отправляли через линию фронта. Бог меня миловал – пулю я не получил.

– Мы слышали, что и журналистикой вы начали заниматься в Белоруссии.

– После победы в войне, когда наши части вошли в Минск, мне сказали: «Стоп. Дальше не пойдешь. Ты с нами всю войну прошел, так здесь и оставайся, будешь работать в редакции молодежной комсомольской республиканской газеты». Называлась эта газета – «Сталинская молодежь», а потом ее переименовали в «Знамя юности». И сейчас она выходит под этим названием. Я там год проработал – руководил военным отделом, отделом пропаганды, писал репортажи. Выезжал в командировки по республике. А в 1946 году я вспомнил, что москвич и мне нужно заканчивать МИФЛИ. Меня отпустили в Москву.

К тому времени уже вернулся мой отец, тяжело раненный (он ушел в коммунистическое ополчение, когда ему было пятьдесят лет), мама

с сестренкой вернулись из эвакуации. А МИФЛИ, моего института, уже не было, его влили в Московский университет. И мой литературный факультет оказался в составе филологического факультета МГУ. Меня восстановили на третьем курсе сначала на вечернем, а потом на дневном отделении.

На филологическом факультете мы выпускали знаменитую стенгазету «Комсомолия». Она была метров сорок длиной. Я там был ответственным секретарем. Московский университет окончил за полтора года.

– *И начались журналистские будни?*

– Меня отправили на работу в редакцию газеты «Московский университет». Редакторы менялись, а я оставался ответственным секретарем и делал газету на протяжении восьми лет. Редакция располагалась в подвале клуба МГУ, там, где теперь церковь святой Татианы. Там же, в этом клубе, был наш знаменитый на всю Москву студенческий театр. Газету читали во всех университетах страны. Редакция газеты практически превратилась в филиал журфака. По редакционным делам бегали и Леша Аджубей, и Рада Хрущева, и многие-многие будущие знаменитые наши журналисты. Я давал им задания, они многому учились. Сложилась замечательная веселая молодежная компания!

Через восемь лет меня перевели на факультет журналистики, где стала издаваться учебная газета «Журналист». Стал заместителем главного редактора. Главным редактором назначили полковника Ильина, но он в журналистике не слишком понимал, и я ему помогал. А ответственным секретарем был военный журналист – подполковник Замотаев. И мы втроем делали эту учебную газету. Интересная газета была. Она делалась по-другому, чем сейчас. Мы с группами студентов выезжали на объекты: заводы и предприятия – и выпускали учебные номера. Их читали не только на нашем факультете. Здесь недалеко, в здании нынешней гостиницы «Интурист», располагалось американское посольство. Каждую неделю оттуда приходил человек, покупал в киоске газету «Журналист» и внимательно изучал.

– *Вам так увлеченно работалось. Почему вы оставили газету?*

– Без отрыва от работы я написал кандидатскую диссертацию, посвященную публицистике Маркса и Энгельса, потом защитил докторскую и стал профессором. Начал работать на кафедре периодической печати, читал лекции о том, как делать газету. «Теория и практика партийно-со-

ветской печати» – так назывался мой предмет, теперь этот курс называется «Организация работы редакции газеты и журнала». А потом стал читать и другие курсы. В течение последних нескольких лет разработал лекционный курс «Экономика средств массовой информации». Недавно меня попросили перейти на новую кафедру – теории и экономики СМИ. Преподаю на факультете журналистики уже 55 лет, написал и издал около 30 книг, некоторые из них переведены на шесть иностранных языков.

– *Семен Моисеевич, вы имеете возможность сравнивать журналистику сегодняшнего дня и недавних десятилетий. Какие, на ваш взгляд, произошли перемены?*

– Журналистика, конечно, очень изменилась. Но, думаю, произошли благие перемены. Советская печать была глубоко партийна. Н. С. Хрущев, например, сказал, что журналисты – подручные партии. И мы, журналисты (а я на фронте вступил в компартию), свято в это верили, хотя указания партийных органов страшно ограничивали наши возможности. Но у этой журналистики были и достоинства: мы всегда стремились помочь конкретному человеку. В каждой редакции была такая читательская почта! Ежедневно в «Известия», «Труд» приходили тысячи писем. Люди надеялись, что газета поможет, и она очень часто помогала.

В 1991 году пришла долгожданная свобода! Пиши, о чем хочешь! И писали, и критиковали. Но сейчас появилась и усиливается с каждым днем зависимость от власти. Я и на лекциях говорю: никогда журналистика не была свободна. Она и сейчас не свободна, она никогда и не будет свободна полностью. Она всегда зависит от кого-то. Раньше она зависела от партийных органов, а сегодня – от тех, кто дает деньги. И от власти.

– *А студенты? Изменились?*

– Студенты? Студенты – веселый народец. Я всегда студентам помогаю, чем могу. И у меня теперь главное в жизни – помогать молодым. Недавно попытался подсчитать своих учеников, и оказалось, что за эти шесть десятков лет подготовил не то 500, не то 600 классных ответственных секретарей. Сейчас особенно надо помогать молодым. Они не хуже тех, которые были. Они и не лучше. Они немножко другие. Время другое. Мы были самостоятельнее... Замечательно, что сейчас многие наши студенты стали учиться лучше, потому что поняли – без настоящих знаний в жизни нет перспектив.

«ПОПРОБУЙ, НЕМЕЦ, РУССКИХ АТАКУЯ, ЧТО ЗНАЧИТ ЭТОТ БЛЕСК...»

ЕСИН Борис Иванович (1922, Москва) – профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы и журналистики. 1950 г. – окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

С 1953 г. работает на факультете журналистики.

1955 г. – кандидат филологических наук.

1973 г. – доктор филологических наук.

1974 г. – профессор.

Более 150 научных работ, в их числе:

Демократический журнал «Дело», 1959;

Чехов – журналист, 1977;

Русская газета и газетное дело в России, 1981;

История русской журналистики XIX в., 1989;

История русской журналистики (1703 – 1917 гг.), 2001.

Заслуженный профессор Московского университета.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом Почета, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией» и др.

*Мороз. Восток чуть-чуть светлеет.
Тревожен сон, тревожна тишина.
Кресты ежей на улицах чернеют.
В Можайске фронт. Тотальная война!
Ресницы штор опущены у окон,
Ни огонька, лишь светофор один
Сверкнет на перекрестке красным оком,
И снег, искрясь, багрянится под ним.
Обоз навстречу – вереницей длинной
В морозной дымке жесткий скрип саней.
Осыпал густо седоватый иней
Поклажу, утряжь, гривы лошадей.
Из-под бровей, подернутых туманом,
С усталых почерневших лиц солдат
Глаза, одни глаза, совсем неожиданно
Среди мороза яростно блестят.
И эту ярость, эту боль глухую
Несут на фронт, в окопы, под Можайск!
Попробуй, немец, русских атакуя,
Что значит этот блеск, попробуй
и раскайся!*

Это стихотворение рядовой 73-го ОСБ при коменданте города Москвы Борис Есин написал в 1942 году во фронтовой столице. Только что ставший студентом-филологом, он не мог не написать их. Грозное время – враг под стенами города – обостряло все чувства, и в короткие минуты затишья рука сама тянулась к перу, чтобы их выразить. Впечатления тех дней не померкли и теперь. Стоит ли удивляться тому, что Борис Иванович Есин, профессор факультета журналистики, заведующий кафедрой истории русской литературы и журналистики и через шестьдесят с лишним лет может указать время событий, в которых участвовал, с точностью до дня?

– Борис Иванович, как вы восприняли известие о начале войны?

– Война началась внезапно, хотя ее ждали. Молодое поколение было морально готово к войне, точнее, к трудностям, с ней связанным. Пропаганда в этом плане неплохо поработала. И все же, повторяю, война началась внезапно.

Я в это время поступал в Московский институт философии, истории, литературы – МИФЛИ, как его часто называют. И до того, как меня призвали в армию, сдавал туда экзамены. Помню, как я готовился к последнему экзамену – при свечке. Как раз напротив нашего дома упала бомба, окна в квартире были выбиты, и без маскировки света было зажигать нельзя. Впрочем, кажется, света какое-то время и не было вовсе.

Поехал я утром в Сокольники, где находился институт. И вдруг воздушная тревога. Вообще-то днем редко самолеты прорывались к Москве, они все больше ночами летали. А тут как раз такой пронырнул и сбросил бомбу. Мы так и сидели в парке в Сокольниках под деревьями часа полтора.

А на литературный факультет я был зачислен. У меня даже студенческий билет сохранился с тех пор. Но учиться пришлось мало: началась военная служба.

42 с.

– Какие ее моменты вам тяжелее всего вспоминать?

– Мне чаще вспоминаются не ужасы войны, не потерянные жизни и изломанные судьбы, а тот патриотический подъем, та дружеская атмосфера, которые царили в армии. В такой обстановке легче переносились тяготы военного времени. И потом, молодости свойствен оптимизм.

Но, конечно, самым трудным, но самым впечатляющим моментом для меня стал период обороны Москвы. Было очень тяжело морально: фашистские войска подошли к городу вплотную. К 15 октября Подмосковье было заполнено немецкими танками. Возникла реальная опасность прорыва их отдельных подразделений.

Город основательно готовился к обороне, к уличным боям. Мне приходилось много чем заниматься. Мы выезжали на ликвидацию вражеских десантов, строили баррикады на Смоленской площади, на Садовом кольце. Садовое кольцо и улица Горького укрепились очень мощными зенитными орудиями, которые ставились стволами горизонтально, чтобы вести огонь прямой наводкой. На Крымском Валу сооружали баррикады из бревен, засыпая их мешками с песком и оставляя лишь узкий проход посередине. Амбразуры в подвалах делали.

А еще мы должны были охранять внешние подступы к Москве. Через Новогиреево, Красный Маяк – поселок на Варшавском шоссе (тогда они еще не были частью Москвы) – проходила линия обороны, там стояли наши части, готовые дать немцам отпор.

15 и 16 октября в Москве началась паника, люди бросились бежать из города. Тогда коробило и сейчас неприятно вспоминать, как плотным потоком по Горьковскому шоссе драпали родственники разного ранга руководителей, увозя на машинах барахло, в то время как простой люд оставался на своих местах защищать город.

20 октября было объявлено осадное положение. Парадоксально, но сразу стало как-то спокойнее. А через несколько недель состоялся военный парад на Красной площади. Это было как гром среди ясного неба. Такого никто не ожидал: все было организовано очень быстро и секретно. Вновь сформированные войска прошли по Красной площади, а оттуда – по Ленинград-

скому шоссе в Крюково. Это было очень сильной моральной поддержкой для всех. Потом подошли сибирские войска на подкрепление, начался перелом в ходе войны. В феврале началось большое наступление под Москвой, и немцев отбили на 100 – 150 километров от столицы. Ситуация разрядилась.

И под первую бомбежку я попал здесь, в Москве. 22 июля немцы впервые бомбили город. Налет был ночью. Я в это время дежурил на крыше. Подлетели мессершмиты – мы узнали по звуку – и начали сбрасывать на парашютах осветительные ракеты. Мы сначала даже не поняли, что это такое.

Ракеты очень медленно спускались, распространяя вокруг себя желтый свет. При этом сразу выделялись промышленные объекты, которые своими трубами отбрасывали очень большие тени. По теням, видимо, немецкие летчики и ориентировались. А Зацепский рынок был крыт стеклом. Крыша заблестела, и в эту мишень были сброшены «зажигалки». Весь рынок загорелся сразу – мне хорошо был виден огненный квадрат. Потом началась бомбардировка. Это была первая воздушная тревога. Женщины и дети побежали прятаться, солдаты, конечно, остались наверху.

Мы очень быстро научились справляться с бомбами и «зажигалками». Овладели этим искусством и подростки, которые ловко подхватывали их щипцами и бросали в ящики с песком или вниз.

Приходилось мне выезжать в разные московские районы тушить пожары. Неподалеку от завода имени Владимира Ильича был поселок, в котором возвышались две большие трубы котельной, непонятно, зачем построенные. И этот поселок немцы бомбили три или четыре ночи подряд, приняв, видимо, поселок за фабричные корпуса. Но раненых было немного. Вообще в Москве жертв было немного – несравнимо меньше, чем в Подмосковье, где пролегли рубежи обороны.

Например, неподалеку от Вороново в бой с фашистами были брошены подольские курсанты – совсем юные воспитанники военных училищ, хорошо обученные, но плохо вооруженные. Они задержали немцев, но полегли все. Теперь это место называется Полем подольских курсантов. Я там был после войны, как и в других рай-

онах Подмосковья, где проходили сражения. Но местность теперь уже трудно узнать.

– А куда вели вас военные дороги дальше?

– Я попал в пехотное училище, потом переквалифицировался на танкиста. Стал командиром взвода в учебном полку, обучал новобранцев. Но все это происходило ближе к концу войны. А вскоре мы встретили День Победы. Так сложилась судьба.

– Как получилось, что вы свою жизнь связали с журналистикой, изучая ее историю?

– Демобилизовавшись из армии, я хотел восстановиться на родном факультете МИФЛИ, но такого института уже не существовало – он стал частью МГУ. Так я стал студентом Московского университета. Потом его аспирантом – одним из трех первых аспирантов отделения журналистики. И стал заниматься историей русской печати. А журналистом-практиком мне довелось быть не очень долго. Будучи студентом, я подрабатывал в многотиражке оборонного завода. Газета называлась «За боевые темпы». Я писал очерки, юмористические стихи – мы сатирический отдел «Василий Теркин на заводе» организовали. И интервью писал. А у рабочих-станочников очень трудно брать интервью, их непросто разговаривать. Потом появились навыки, стало легче. Но в многотиражке я проработал три года, а потом пошла работа научная, педагогическая. И до сих пор так.

– На ваших глазах и при вашем участии создавался и развивался факультет журналистики. Вам, как историку, какие моменты этого процесса кажутся наиболее важными?

– Из армии я пришел партийцем и на филологическом факультете стал заместителем, позже секретарем партийной организации. Так что мое участие в создании нового университетского факультета было самым непосредственным. Мы с самого начала были идеологическим факультетом, нас непрестанно курировал ЦК партии. Когда ушел из жизни первый декан факультета Е. Л. Худяков и встал вопрос о том, кто станет его преемником, нам пришлось немало побороться за то, чтобы деканом был назначен Ясен Николаевич Засурский. Все мы голосовали за него и сумели отстоять свой выбор перед ЦК и парткомом МГУ (твердость проявили преподаватели-фронтовики Ю. Ф. Шведов, С. И. Стыкалин и другие). Поверьте, это было совсем непросто. А жизнь показала, что в своем выборе мы не ошиблись. В истории факультета было немало бурных моментов. Но Ясен Николаевич всегда занимал правильную, принципиальную позицию, всегда понимал людей, стремился совершенствовать факультет,

идти в ногу со временем. И сегодня мы его поддерживаем, как и раньше.

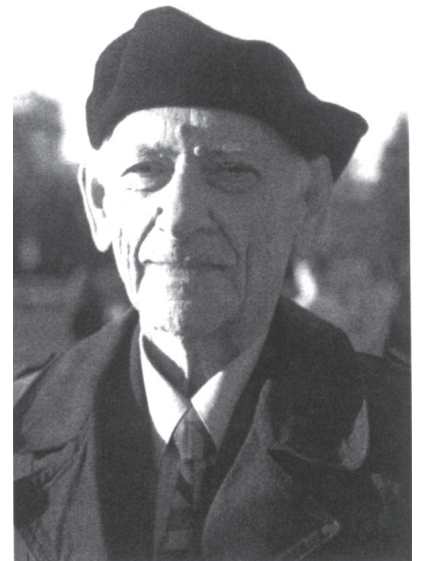
– Борис Иванович, а что вы думаете о нас, студентах? Что вам в нас нравится и что не нравится?

– Вот на что я обратил внимание: наши студенты постоянно выпускают газету, и уже третий год я не могу отыскать в ней стихов. Пришло новое поколение молодежи – и стихи исчезли. А ведь еще совсем недавно мы были завалены стихами, действовали литературные объединения, издавались сборники. Во времена моей молодости и позднее к нам приглашались известные писатели и поэты. Наши самые большие аудитории не могли вместить всех желающих поучаствовать в этих встречах, с других факультетов народ прибегал.

Что-то изменилось в студенчестве. С одной стороны, ребята хорошо владеют современными техническими средствами, хорошо ориентируются в журналистике, редакции довольны ими. Но вот что интересно: совершенно исчезли такие жанры, как очерк и фельетон, на поток поставлено интервью.

Самое печальное, молодежь плохо знает литературу, русскую историю. Потерян интерес к лекциям, хотя их читают крупные ученые, талантливые преподаватели. Студенты явно недорабатывают. Я бы сказал, у них выработалась какая-то инфантильность. Вы сейчас в Интернете можете найти все что угодно. Но это всего лишь иллюзия доступности всего! Когда-нибудь вы поймете, что не это важно. Главное, чтобы душа формировалась, чтобы вы учились мыслить и чувствовать. Иначе вы – просто передатчик информации. И только.

У нашего факультета очень большой творческий потенциал. И дело не в том, чему вас будут учить, а в том, чему научат. Чему вы научитесь. Если вы хотите только «корочки» и место работы, где больше платят, – это у вас со временем будет. А если недоучились, недочитали – это выйдет боком.

«НА ВОЙНЕ СДЕЛАЛ ВАЖНЫЙ ВЫВОД: НЕ СТРЕЛЯЮТ – УЖЕ ХОРОШО...»

ЗАПАДОВ Александр Васильевич (1907, Кронштадт – 1997, Москва) – профессор, заведовал кафедрой истории русской литературы и журналистики (1954 – 1961), кафедрой редакционно-издательского дела и информатики (1962 – 1984), профессор-консультант кафедры литературно-художественной критики и публицистики (1984 – 1997).

1931 г. – окончил историко-лингвистический факультет Ленинградского ГУ.

С 1954 г. работал на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.

1940 г. – кандидат филологических наук.

1959 г. – доктор филологических наук.

1961 г. – профессор.

Более 70 научных работ, в их числе монографии:

Державин, 1958;

Отец русской поэзии. О творчестве Ломоносова, 1961;

Русская журналистика XVIII в., 1964;

В глубине строки. О мастерстве писателя, 1972;

Опасный дневник: историческая повесть, 1974.

Член Ученых советов МГУ (1964 – 1987), факультета журналистики (1960 – 1993), Государственной библиотеки СССР

им. В.И. Ленина (1971 – 1984). Член Союза писателей (1960).

Лауреат премии им. М.В. Ломоносова II степени за монографию «Мысль и слово» (1971).

Заслуженный деятель науки РСФСР.

Заслуженный профессор Московского университета.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды (дважды), медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За оборону Заполярья» и др.

Профессора Западова на факультете звали «Наша легенда». Когда он, в модном костюме, подтянутый, радостно оживленный, входил в аудиторию, студенты начинали ликовать. «В остроумных репликах профессора, в его легкой игре словами – жизнеутверждение, бодрость, критический ум, быстрота реакции. Устоять перед его обаянием просто невозможно. Да мы никогда и не пытались, не желали “сопротивляться” и были счастливы, когда чувствовали себя в плену его шуток, его мудрой насмешливости», – писали о своем наставнике его ученики. – Редко встречается столь остроумный собеседник, наделенный особым даром красноречия и умением захватить и увлечь слушателей, оживить свое выступление легкой иронией, дружелюбной шуткой – будь то в повседневных встречах или с университетской трибуны».

Те, кто учился у него, общался с ним, считали себя его «вечными студентами». Крупнейший ученый – исследователь литературы и журналистики XVIII века, великолепный редактор, знаток книжного дела, автор прекрасных стихотворений – Александр Васильевич Западков всегда

стремился к постижению нового и щедро делился своими глубочайшими, даже энциклопедическими, знаниями с коллегами и студентами.

Об одном Александр Васильевич говорил мало и неохотно – о войне. «Он пошутит, он переведет рассказ на другое, в лучшем случае вспомнит что-нибудь смешное, но никогда – героическое. От него не дождешься рассказов, за что получены боевые ордена и медали, какие подвиги совершил он, пройдя с боями от Москвы до Кенигсберга или сражаясь с японскими милитаристами», – вспоминал полковник запаса и его фронтовой товарищ К. А. Демин.

В своей автобиографии Александр Васильевич рассказывает о войне как об одной из многочисленных страничек своей жизни:

«С первых дней войны я в действующей армии. Менялись фронты: Западный, Калининский, Ленинградский, 1-й Дальневосточный. Менялись должности: командир взвода, начальник разведполка, командир дивизиона, замкомандира полка, начальник штаба артиллерии. Шли чины (от младшего лейтенанта до майора), награды (имею пять боевых орденов и всевозможные медали),

дважды был ранен. На войне сделал важный вывод: не стреляют – уже хорошо.»

О деталях военной биографии профессора Западова мы узнаем из заметки К. А. Демина, написанной им в 1987 году к 80-летию Александра Васильевича.

«Осенью 1941 года под Москвой он командует артиллерийским взводом, затем – батареей, отважно и, я бы сказал, умно бьет врага на подступах к столице. В декабре во время контрнаступления наших войск на Западном фронте А. В. Западов уже начальник разведки артиллерийского полка. Что стоит за таким стремительным служебным ростом, знают, наверное, только фронтовики. Для таких вакансий нужны были не протекции, а выдержка и отвага, дерзость и полет мысли, короче, нужно было то, что я называю мастерством боевого офицера...

Когда в 1942 году 39-я армия попала в окружение и с боями прорывалась к своим, капитан Западов вывел свою часть образцово – с оружием, организованно и спокойно. А ведь с ним выходили командиры, чье воинское звание было выше, а должности позначительнее.

Потомственный ленинградец А. В. Западов защищал родной город в тяжелейшие дни ленинградской блокады. И он же был среди тех, кто эту блокаду прорывал.

В январе 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов предприняли попытку разорвать кольцо блокады южнее Ладожского озера. На острие главного удара находился 792-й артиллерийский полк 256-й стрелковой дивизии, где заместителем командира полка служил Западов...

Кто воевал под Синявинскими высотами, тот знает, что это были за бои. Когда в феврале 1943 года после ожесточенного и кровопролитного наступления наши войска оттеснили врага на окраину поселка Синявино, фашисты получили приказ любой ценой вернуть утраченные позиции. Они повели огонь такой сокрушительной мощи, что, казалось, вся планета взды-

билась и ходила ходуном. Особенно тщательный и прицельный огонь из тяжелых орудий вели они по наблюдательным и командным пунктам 792-го артполка. Блиндаж, в котором был А. В. Западов, дрожал от разрывов тяжелых снарядов. Один из них, разворотив бревна наката, разорвался в самом блиндаже. Из девяти находившихся там человек восемь были убиты наповал. Александр Васильевич Западов, раненый, тяжело контуженный, чудом остался жив. Чудом!»

У каждого из фронтовиков свое, личное, отношение к войне. И к памятнику Победы на Поклонной горе тоже. У Александра Васильевича Западова оно было таким: в Фонд строительства памятника он перечислил весь свой гонорар за только что изданную книгу. Кстати, его коллеги узнали об этом ... из газеты «Вечерняя Москва».

*Всех время просеет сквозь сито,
Как высказал некий тиит...
Но слава его не забыта,
И сам он досель не забыт.
Талант доброты юбиляра
Есть самая светлая суть –
Поэту истории старой
Забывшую славу вернуть...
А Западов дальше и строже
Берет новой книгой в полон
С мудрейшей улыбкой вельможи
Тех дальних и трудных времен.
И речью уверенной, веской
Он вводит нас в тамошний свет,
И в шелест садов царскосельских,
И в тайны дворцовых карет...
Подвижник работы упорной,
Профессор ученых чудес,
Майор артиллерии горной
И маршал изящных словес.
...А жизнь манит юностью, маем
И мчит, как всегда, – на восход.
И ежели кто понимает, –
То маршала думы поймет...
(В. Виноградский)*

«И МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ, ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ СЛОВО...»

КАЙДАЛОВА Анна Ивановна (1924, с. Отрадное Курской обл. – 1993, Москва) – доцент кафедры стилистики русского языка. 1950 г. – окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

С 1953 г. работала на факультете журналистики.

1971 г. – кандидат филологических наук.

1972 г. – доцент.

Более 30 научных работ, в их числе:

Русский язык (в соавт), 1978;

Современная русская орфография (в соавт). 4-е изд, 1983;

Современный русский язык: Учеб. пособие. 4-е изд., 1985.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда».

Наше поколение студентов-журфаковцев Анну Ивановну Кайдалову не застало. Но она с нами рядом – своими учебниками по русскому языку и русской орфографии. Сколько тысяч недорослей благодаря этим книгам становились вполне грамотными людьми, а скольким еще только предстоит таковыми стать!

Рассказывают, что даже когда Анна Ивановна улыбалась, в ее глазах не исчезала какая-то непреходящая боль – оттуда, из военных сороковых.

«В семнадцать лет, будучи студенткой первого курса Ленинградского университета, А. И. Кайдалова добровольно ушла на фронт, – рассказывает доцент факультета журналистики Владимир Вячеславович Славкин. – Она стала санитаркой полевого хирургического госпиталя, и не один боец обязан ей жизнью. Все 900 блокадных дней – до самого освобождения города – провела Анна Ивановна в Ленинграде. И поэтому самой дорогой боевой наградой для нее была медаль “За оборону Ленинграда”. Война оставила страшный след в семье Анны Ивановны: отца расстреляли немцы, мать была угнана в Германию, старший брат погиб за два месяца до Победы, а младший брат, заболев на фронте туберкулезом, вскоре умер.»

*Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
Я не геройствовала, а жила.*

Эти строки поэтессы Ольги Берггольц – и об Анне Ивановне тоже.

О Кайдаловой ходят легенды. Она не терпела равнодушия и разгильдяйства. В поколениях студентов сохранилось ее крылатое выражение «жуть впотьмах» – реакция на полную неосведомленность студента в предмете.

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навсегда!*

(А. Ахматова. «Мужество»)

Великое русское слово Анна Ивановна Кайдалова спасала и на фронте, и в мирной жизни, работая доцентом на кафедре стилистики факультета журналистики.

«ЗНАВАЛ ТЫ ШТОРМЫ И ТАЙФУНЫ...»

КИСЕЛЕВ Алексей Павлович (1926, д. Мордвиново Владимирской обл. – 2003, Москва) – профессор кафедры техники газетного дела и средств информации.

1956 г. – окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

1966 г. – кандидат исторических наук.

1990 г. – доктор филологических наук.

В числе научных работ:

Неоколониализм и печать, 1971;

От содержания – к форме. Основные понятия и термины газетного оформления, 1974;

Оформление периодических изданий (в соавт), 1988;

История оформления русской газеты (1702 – 1917 гг.), 1990;

Дизайн периодических изданий (в соавт), 2000.

Участник Великой Отечественной войны.

Об Алексее Павловиче Киселеве в студенческой среде легенд не ходит. По словам выпускников факультета, отпугивали несколько мрачноватая внешность и предмет, который он вел, с еще более мрачным для нашего брата названием «Производство и оформление газеты». Такие понятия, как «гарт», «модуль», «цицера», «квадрат» на мифотворчество никак не вдохновляли. Но знакомясь с жизнью и научной деятельностью этого замечательного профессора, бывшего моряка-подводника, редактора газет «Московский университет» и «Журналист», мы убедились, что он достоин даже не легенды, а былины. И начиналась бы она так: «Из-под славного града, из-под Мурома...»

Действительно, Алексей Павлович был родом из тех мест. Но дело в другом. Наверное, прав доцент нашего факультета Станислав Илларионович Галкин, предполагая, что А. П. Киселев был даже не земляком, а, скорее, потомком богатыря Земли Русской и в наследство от него получил свой негибемый характер, преданность идеалам и широту души.

«Юношеское увлечение», как говорил сам Алексей Павлович, Африкой вылилось в появление монографий о печати этого континента, в первую очередь Ганы, где ему удалось побывать. А его докторская диссертация была совсем иной – «Эволюция формы русской газеты (1702 – 1917 гг.). Основные этапы и факторы формообразования». Только богатырю по силам исследовать такой колоссальный объем отечественной периодики, связывая газетную форму с политикой, экономикой, культурой и не упуская из вида изменения в практике издательского дела.

С середины 70-х годов он занимался теорией газетного дизайна, создавая свою научную школу. Результаты этих изысканий быстро подхватывали

периодические издания, кардинально меняя «лицо» своих полос.

Доводилось Алексею Павловичу и непосредственно руководить изданиями: факультетским «Журналистом» и газетой «Московский университет». И не раз случалось, что материалы или темы, прозвучавшие со страниц наших вузовских многотиражек, использовались более «солидными» изданиями.

А еще в его жизни была... гармонь, которую он любил и на которой играл с молодых лет, интерес к частушкам. И в 1995 году в нижегородском издательстве братьями Виктором Павловичем и Алексеем Павловичем Киселевыми был выпущен сборник частушек «Шире, улица, раздайся».

И была в судьбе Алексея Павловича война. Был Тихоокеанский флот.

Нам хотелось бы привести выдержки из материала о Киселеве, в свое время подготовленного Еленой Борисовной Косяк.

«Когда началась война, Алексею Павловичу было всего 15 лет. До той местности, где он жил, война не дошла 300 километров. Подростки вместе со стариками и женщинами рыли противотанковые рвы, строили аэродром, с которого наши самолеты летали бить противника. И была обычная крестьянская работа – пахали, сеяли, убирали урожай...»

“Осенью 1943 года, когда я уже был студентом одного московского института, эвакуированного в Арзамас, меня призвали в армию, – рассказывает Алексей Павлович. – В сраженьях на Курской дуге погибло много танкистов. Говорили, что из нас будут готовить замену им в Сорновском танковом училище. Вдруг ночью по тревоге всех погрузили в эшелон, и только под утро стало ясно, что нас везут не на Запад, а на Восток. Так мы попали на Тихоокеанский флот, а потом, после отбора, на подводные силы флота”.

Киселев оказался в учебном отряде подводного плавания, в классе штурманских электриков. «Штурманец» – так по-флотски звучала его должность.

Когда началась война с Японией, всех охватило воодушевление – давно ждали этого часа, давно к нему готовились. Первая боевая тревога... Бежали вниз по трапу с чувством не испуга, а непонятной радости. При срочном погружении вдвое перекрыли все нормы...»

Алексей Павлович рассказывал: «Есть книга – “Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне”. О действиях подводников Тихоокеанского флота там говорится всего на пяти страницах, а о моей лодке – только пять строк, о том, как она потопила японский мотобот...» Наверное, он считал, что пять строк – это все-таки маловато, и написал свою книгу – «Свистать всех наверх».

Подводнику

Колыма, бухта Нагаева, 1948 г.

*Сегодня ты опять уносишь
Свой вымпел в дальние края.
В каких широтах завтра бросишь
На звонких цепях якоря?*

*В каком порту отдашь швартовы?
Но для тебя не все ль одно,
Что пирс бревенчато-тесовый,
Что галькой выстланное дно.*

*Знавал ты штормы и тайфуны –
Таков уж Тихий океан:
Тумана нет – валы, как дюны;
Волна спадет – встает туман.*

*А помнишь, парнем из деревни
Пять лет назад придя на флот,
Ты от килля и до форштевня
По трюмам ползал, словно кот?*

*Тебя немало удивляла
В ту пору сложность корабля –
Награмождение металла,
Обмотанного в кабеля.*

*И нелегко порой бывало,
Когда, крута и солона,
Твою коробочку качала
Девятибалльная волна.*

*Не все печали миновали,
Но ныне дни те далеки,
Когда салагой называли
Тебя седые моряки.*

*Теперь ты мастер на все руки,
Сам лихо крутишь жидкий ус.
Теперь устав морской науки
Ты знаешь чуть не наизусть.*

*Ты к морю в меру равнодушен –
Его ты видишь каждый день.
Хотя в отсеках воздух душен,
Тебе неведома мигрень.*

*И, как ни зябко, как ни тесно,
Как ни тяжел бывает путь,
Находишь время ты и место
В журнал и книгу заглянуть.*

*Ты чувство времени теряешь
На океанской глубине
И кончив вахту, засыпаешь
С мечтой о теплом гальюне.*

*С мечтой о стограммовой кружке,
О мягкой койке без цепей,
О дорогой своей подружке
И недалекой встрече с ней.*

*Алексей Киселев,
старшина 1 статьи*

«КАЖЕТСЯ, ВСЮ ЖИЗНЬ ПРОВЕЛ В ПОХОДАХ Я ОТ ПРУССКИХ ДО МАНЬЧЖУРСКИХ РЕК...»

КУЗНЕЦОВ Иван Васильевич (1924, д. Коурчи́ха Костромской обл.) – профессор, заведовал кафедрой истории отечественных средств массовой информации (1985 – 2007).

1952 г. – окончил отделение журналистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

С 1954 г. работает на факультете журналистики.

1955 г. – кандидат исторических наук.

1970 г. – доктор исторических наук.

1972 г. – профессор.

Более 130 научных работ, в их числе:

Большеви́стская печать Москвы (в соавт), 1968;

Партийно-советская печать Москвы (в соавт), 1980;

Советская журналистика послевоенных пятилеток, 1987;

Триста лет отечественной журналистики (1702 – 2002) (в соавт), 2002;

История отечественной журналистики (1917 – 2000), 2003.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Заслуженный профессор Московского университета.

На страничках из школьных, фронтовых, студенческих тетрадей – стихотворения. В них прочитывается удивительная судьба автора – Ивана Васильевича Кузнецова, доктора исторических наук, заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, более двух десятилетий заведовавшего кафедрой истории отечественных СМИ и просто доброго и отзывчивого человека.

*Есть Кавказ и Крым, но все же,
Все ж милей в краю родном.
Всех морей и гор дороже
Лес, река и отчий дом. <...>
Сердце радостнее бьется,
Как про отчий край пою.*

(«Отчий край», 1948)

Иван Васильевич Кузнецов родился 7 января 1924 года в деревне Коурчи́ха Костромской области. Еще во время учебы в сельской школе он написал свое первое стихотворение «Сон» – рассказ мальчишки, которому приснилось, что он задержал диверсанта. Были в нем и такие строки: «Буду так же я бить всех врагов, не во сне, а уже наяву».

С этого же времени Иван Кузнецов стал сотрудничать со своей районной газетой «Шары́нская коммуна», но по-настоящему обратился к журналистике он уже после войны.

Пророческими оказались те детские стихи. Рядовой Иван Кузнецов был призван в армию в августе 1942 года. В сорок третьем попал

на фронт уже в звании сержанта в батальон автоматчиков 124-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады.

*А фронт есть фронт: походы да сраженья
И редкие минуты тишины.*

(«Он комсомольцем был», 1944)

Киров, Смоленск, Витебск.. А между боями – участие в подготовке программ армейского ансамбля, выступления с только что сочиненными военными песнями.

*И лишь душою нашей русской можно
Понять такую песню до конца.*

(«Опять над электрическим тесом», 1945)

Однажды весной 1944-го старший сержант Иван Кузнецов «решил включиться в поэтическое состязание» – принять участие в конкурсе на лучший рисунок, рассказ, стихотворение, объявленном армейской газетой «Сын Родины». Двадцатилетний молодой человек представил, что оставшаяся дома маленькая сестренка как будто была ему дочерью и написала ушедшему на фронт отцу письмо. Стихотворение «Письмо», ставшее первой публикацией Ивана Кузнецова в армейской газете, заставило плакать мужественных фронтовиков. Это признание было дороже заслуженной награды за победу в конкурсе.

*Я запрягал письмо возле сердца,
Не сказав ничего никому,
Разгромив окончательно немцев,
Дочку я у ворот обниму.*
(«Письмо», 1944)

После первой удаи сотрудничество Кузнецова с военной газетой продолжилось. Мечтой молодого журналиста было встретиться с Александром Твардовским, фронтовым спецкором, но, к сожалению, их пути так и не пересеклись.

*Кажется, всю жизнь провел в походах
Я от прусских до маньчжурских рек.*
(«Письмо матери», 1947)

Взятием Кенигсберга, разгромом фашистской Германии война для Ивана Кузнецова не закончилась. 39-я армия была направлена на Восток сражаться с японцами. Через всю ликующую Россию, Монголию эшелоны шли в Маньчжурию.

*Ты помнишь день, когда был дан
Приказ в предутреннюю пору:
Форсировать Большой Хинган
И гнать японцев прямо к морю <...>
И мы прошли Большой Хинган,
Как перешел Суворов Альпы...
Великий Тихий океан
Последним слышал наши залты.*
(«Любимый друг мой
фронтовик», 1945)

А дальше была служба в Порт-Артуре, где будущий историк журналистики наконец-то оказался в штате редакции армейской газеты «Во славу Родины»:

*И такую несказанно милой
Вдруг предстала Родина моя,
Что до боли сердце защемило,
Лишь припомнил волжские края.*
(«Затуманил снова вечер окна», 1946)

Иван Васильевич был демобилизован в 1947 году. Вернувшись на родную Ветлугу, он решил во что бы то ни стало осуществить заветную мечту – учиться в Москве. Рискнул направить документы сразу в МГУ, и был принят на филологический факультет без экзаменов.

*Так вот он, вот он, город древний,
Манивший нас к себе давно,
И на который мы в деревне
Смотрели с гордостью в кино.*
(«Так вот он, вот он, город древний», 1948)

Приехав в Москву, Иван Васильевич Кузнецов узнал, что еще одна мечта его сбылась: на филфаке открыли отделение журналистики, и он сможет обучаться давно интересовавшей его профессии.

Первые студенты-журналисты в МГУ почти все были фронтовиками. С азартом они слушали лекции Е. С. Ухалова, А. Л. Мишурица, И. А. Портянкина.

*Со всех окраин Полушария
Мы собрались, друзья, сюда,
Но, где бы ни были вначале,
Пошли дорогою одной,
Когда впервые повстречались
Мы в МГУ на Моховой.*
(«Не раз припомним
все сначала», 1948)

Вот уже более пятидесяти лет жизнь Ивана Васильевича Кузнецова связана с нашим факультетом.

Закончив отделение журналистики, он поступил в аспирантуру. Для кандидатской диссертации ему была предложена тема «Сталин – публицист в годы первой русской революции». Но Кузнецов сумел отказаться от не интересовавшей его работы, несмотря на то, кому она должна была быть посвящена. А. Л. Мишуриц стал его новым наставником и поддержал в желании изучить большевистскую печать периода Первой мировой войны.

Изучению истории партийно-советской печати Иван Васильевич Кузнецов посвятил свою дальнейшую научную деятельность. С 1985 по 2007 год он заведовал кафедрой истории отечественных средств массовой информации факультета журналистики МГУ.

*Впрочем, это все уже не ново,
И смешного нет нисколько тут,
Что меня не просто Кузнецовым,
А Иван Васильичем зовут.*
(«Письмо матери», 1947)

Несколько вопросов нам захотелось задать Ивану Васильевичу Кузнецову накануне великого праздника – Дня 65-летия Победы.

– Почему вы стали историком журналистики, а не военным корреспондентом? Или журналистом-международником, ведь вы побывали в стольких странах?

– Это сейчас вы свободно говорите об этом. А тогда и не существовало такого понятия как журналист-международник, не было разделения на специальности (я же заканчивал даже не факультет, а пока лишь отделение журналистики!).

Журналистом я окончательно решил стать после Порт-Артура. История меня интересовала всегда, а побывав в разных странах, я еще больше ею увлекся, поэтому всю свою деятельность я посвятил истории советской журналистики.

– Вы сотрудничали с армейской газетой, встречались с военными корреспондентами времен Великой Отечественной войны. Как вы считаете, была ли тогда определенная система в военной журналистике, продолжают ли нынешние журналисты традиции той поры?

– Традиции, безусловно, сложились, и было бы замечательно к ним вернуться и о них не забывать. В годы Великой Отечественной войны нас потрясла публицистика Ильи Эренбурга, Алексея Толстого, Александра Фадеева, Ни-

колая Тихонова, Михаила Шолохова. Есть чему поучиться нашим современникам у этих мастеров пера. Некоторые из их работ издавались несколько сотен раз. Pamфлеты Эренбурга разили врага сильнее автомата. Газеты с его памфлетами передавались от бойца к бойцу, рука не поднималась их использовать на раскурку. На статьи такого публициста могли даже автомат обменять. Вырезки со стихотворениями Константина Симонова зачитывали до дыр и носили всегда при себе. Газета «Красная звезда», журнал «Красноармеец» помогли сражаться.

– А как отмечали на нашем факультете предыдущие юбилеи Великой Отечественной войны? Что-нибудь изменилось?

– К сорокалетию Победы мы открыли на факультете музей-комнату «Боевой и трудовой славы». Там были сведения больше чем о сорока фронтовиках. Татьяна Михайловна Чернова, сама участница боевых действий, тщательно собирала материалы для музея. Сейчас от него осталась лишь Доска почета на втором этаже.

Нас в живых уже немного, всего пятеро. Но было бы здорово, хотя бы частично, восстановить такой музей на факультете!

*Бывает, всю ночь до утра я
С погибшими в первой цепи.
И снова горят, не сгорая,
Хлеба в украинской степи.*

*Давно ли то было, давно ли,
Когда у черниговских хат,
Сжимая гранаты до боли,
Под танки бросался солдат.*

*Пройдет годовщина любая,
Останусь я в первой цепи.
И будут гореть, не сгорая,
Хлеба в украинской степи.*

(«Пройдет годовщина любая», 1950)

«ЕСЛИ ДОЙДУ ДО ЗИМНЕГО, ЗНАЧИТ, ПРОЙДУ ВСЮ ВОЙНУ...»

МИШУРИС Александр Львович (1904 – 1978) – заведовал кафедрой истории партийно-советской печати, доктор исторических наук, профессор.

В числе научных работ:

Теория и практика партийно-советской печати: Учеб.-метод. пособие, 1957;

История партийной и советской печати: Учеб.-метод. пособие, 1959, 1961, 1964, 1968, 1972, 1979;

Печать, рожденная Октябрем, 1968.

Советская публицистика в годы Великой Отечественной войны, 1980.

В памяти своих студентов Александр Львович остался таким: «Седая копна волос, неизменный в первые годы работы на факультете морской китель

с орденскими планками на груди, живость и непосредственность в общении, умение установить живой контакт с аудиторией. Он любил шутить, мог рассказать на занятии забавную историю из жизни журналистов старшего поколения. Но он был нетерпим к лени и разгильдяйству. И бесполезно было провинившемуся студенту давать какие-либо объяснения, все равно он получал “морские банки”, а в заключение следовала неизменная реплика Александра Львовича: “Давай не будем! Работа у вас не пыльная”».

В «морских банках» Александр Львович толк знал – всю войну он прослужил в рядах Краснознаменного Балтийского флота, участвовал в обороне Ленинграда.

«Случилось, как-то задержались мы на кафедре, – вспоминает Иван Васильевич Кузнецов, профессор кафедры истории отечественных СМИ, – и Александр Львович Мишурис рассказал нам об одном эпизоде из времен Великой Отечественной. Довелось ему, моряку-балтийцу, однажды быть в Ленинграде, и он шел по Дворцовому мосту, когда начался внезапный артиллерийский обстрел. Снаряды рвались совсем рядом. “И подумалось мне тогда, – тихо произнес он, – если дойду до Зимнего, значит, пройду всю войну”. До Зимнего ему дойти удалось. Вернуться с фронта тоже.»

Поэт в душе, моряк в натуре,

Он не страшился пули-дуры, –

читаем мы строки стихотворения Георгия Панушкина, выпускника нашего факультета и уче-

ника Мишуриса, опубликованного на Интернет-сайте в наши дни.

После войны Александр Львович вернулся к тому, чему посвятил свою юность, – журналистике.

Уже в ранней молодости в родном Иркутске он вместе с известным советским поэтом Иосифом Уткиным в 1924 году организовал молодежную газету «Комсомолия». Было там и такое обращение к читателям: «Мы долго, очень долго добивались, чтобы у нас, иркутской комсомолии, была своя газета. Мы хотели газету потому, что нам необходимо отражать нашу жизнь и работу, мы легче отыскиваем ее отрицательные стороны. Выражая наши мысли, мы создаем стройную и верную линию наших суждений и при помощи этого инструмента выравниваем шероховатости, вырабатываем верные формы нашей работы». Почти во всех уголках губернии у новой газеты появились внештатные корреспонденты и юнкоры. Газета стала любимой: тираж ее поднялся до 1500 – 1700 экземпляров. Но сказалась нехватка средств, и ровно через год издание закрылось. Перебравшись в Крым, Мишурис вновь обратился к журналистике, редактируя местную газету «Молодой большевик», потом заведую экономическим отделом областной газеты «Красный Крым» и, наконец, работая в отделе печати и издательства ЦК партии.

На отделение журналистики филологического факультета МГУ Александр Мишурис пришел в 1950 г. и встал у истоков факультета, готовящего высокопрофессиональных специалистов для отечественной печати. Начинать приходилось с нуля, разрабатывая методику преподавания, программы лекционных курсов, создавая первые и тогда еще единственные учебники для студентов-журналистов. Мишурис и его команда учились учить! По мере того как в стране складывалась система журналистского образования, эти теоретические и практические наработки быстро

подхватывались другими вузами. Не будет преувеличением сказать, что сейчас нет ни одного факультета или отделения журналистики, где бы с благодарностью не вспоминали А. Л. Мишурица.

У Александра Львовича был талант: его увлеченность, деятельная энергия передавались всем, кто его окружал. Проводящиеся на кафедре дискуссии были жаркими и долгими. Как вспоминают очевидцы, «они обогащали присутствующих новыми фактами истории отечественной журналистики, о которых нельзя было узнать из стандартной учебной литературы». Не было отбоя от желающих опубликоваться в ежегодных научных выпусках кафедры «История. Традиции. Опыт». Но заведующий кафедрой партийно-советской печати Мишурица всегда приветствовал участие в сборниках не только преподавателей, профессоров, доцентов, но и аспирантов и студентов. Он умел поддержать, а может быть, даже и разжечь интерес молодежи к науке. Особенно трепетно он рассказывал о творчестве публицистов и писателей, с которыми его свела судьба в годы войны. И это волнение не могло не передаваться слушателям.

«Довольно часто его встречи с аспирантами и дипломниками проходили у него дома. После разговоров на научные темы начиналось традиционное чаепитие. На таких “домашних поси-

делках” затрагивались самые разнообразные, а иногда и сокровенные темы. Беседа шла непринужденно, а ее доверительный тон располагал к особенной искренности. Каждый говорил о том, что волнует его в данный момент, о том, как найти правильное решение той или иной проблемы», – вспоминали его ученики.

*Он есть хотел всегда –
блокадный Ленинград.
И хлеб носил с собой, и был делиться рад.
Шутил порой, смеялся от души.
Все прибаутки-сказки были хороши.*

Александр Львович ушел из жизни давно. Ему еще не было известно, что появится такое средство коммуникации, как Интернет. А мы, будущие журналисты, набрав в поисковой системе теперь уже знакомую фамилию «Мишурица», лишним раз убедились: память о прекрасном человеке не подвластна ни времени, ни техническим революциям.

*Старик седой с душой младенца,
Огонь в глазах – всю пламень сердца
Ты отдал всем своим птенцам...
Учитель, друг, ты дорог нам.*
(Георгий Панушкин)

«Я В РАЗВЕДРОТЕ САМОЙ МОЛОДОЙ БЫЛА...»

ПАНКИНА Ольга Георгиевна (1922, Петроград) – доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы.

1954 г. – окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

С 1958 г. работает на факультете.

1962 г. – кандидат исторических наук.

1964 г. – доцент.

20 научных работ, в их числе:

Публицистическая деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса // Зарубежная коммунистическая и рабочая журналистика, 1989.

Заслуженный преподаватель Московского университета.

Удостоена Почетной грамоты Верховного Совета СССР.

Награждена боевыми орденами и медалями.

У войны не женское лицо. И все же в военное лихолетье миллионы советских женщин, девушек, совсем юных девочек сражались за свободу Родины наравне с мужчинами. Одной из них была Ольга Георгиевна Панкина, ленинградская студентка, будущий доцент факультета журналистики МГУ.

– Ольга Георгиевна, мы знаем, что вы удостоены орденов Красной звезды и Отечественной

войны, медалей. Такие награды дорогого стоят. Какой была война для вас?

– Я жила в Ленинграде, училась на первом курсе филологического факультета ЛГУ. 23 июня 1941 года у меня должен был быть экзамен. Мама уехала на дачу, я закрылась в квартире, отключила телефон и села заниматься. Надо знать ленинградские дома – солидные, с толстыми стенами. В них ничего не слышно. И о начале войны я узнала только вечером от мамы.

Утром пошла в университет. Подхожу к аудитории и вижу, стоит мой преподаватель, академик. Говорю ему: «Я пришла сдавать экзамен». «Ну, пойдём», – отвечает он и экзамен все-таки принял. А тем временем на факультете творилось что-то невероятное. Мальчики все уходили записываться добровольцами на фронт, девочки тоже. Но нам сказали, что студентов отправят на оборонительные работы копать противотанковые рвы. И поехали мы под Новгород, откуда нас спешно вывезли, потому что немцы наступали. Потом под Лугу. Там у нас образовалась бригада в 12 человек, и мы жили не в деревне, где обосновался весь курс, а в местной церкви, поближе к работе. И вот однажды никто из сокурсников к нам не приехал, мы остались одни. Копаем траншею и видим: идут несколько военных, один из них раненый. Подходят к нам: «Что вы здесь делаете?» – «Как что? – отвечаем, – копаем рвы.» – «Да вы что?! Немцы уже на Сиверской...» И мы поняли, что оказались у немцев в тылу. – «А что же нам делать?» Красноармейцы дают нам карту: «Вот, берите. Но советуем идти лесом, а не по дороге...» Это был июль 1941 года.

И отправились мы сквозь леса. Каких только происшествий с нами не случилось, но в конце концов мы все же вышли к станции, занятой нашей армией. И стоял там на путях санитарный поезд. Мы, грязные и оборванные, бросились к вагону, а нас не пускают. Но потом какой-то врач сжалился: «На подножку вагона хотите?» Так и доехали до Ленинграда.

А затем началась блокада. Нас из Ленинграда вывезли в начале 1942-го. Я оказалась в Ульяновске и пошла работать в госпиталь. А когда началась Сталинградская битва, все медицинские сестры, и я в том числе, пошли в военкомат проситься на фронт. Девочек отправили под Сталинград, а мне сказали: «Вас мы хотим направить в одно очень секретное учебное заведение». Я ведь единственная из всех училась в университете и знала иностранный язык. «Какое учебное заведение?» – спрашиваю. – «Такое, где готовят разведчиков». – «Согласна», – отвечаю, беру направление и еду в Ставрополь-на-Волге, нынешний город Тольятти. А там меня зачислили в Военный институт иностранных языков. Ничего там

особенно секретного не было, просто мы стали учить язык. Я почему-то оказалась на японском отделении. А в 1943 году часть студентов вызвали в Москву, в генштаб. Летом 1945 года меня направили на Дальний Восток в штаб 5-й армии. Началась война с Японией.

– *Значит, 9 мая 1945 года война для вас не закончилась?*

– Нет. В начале наступления я служила переводчиком в разведроты, а потом, когда военные действия поутихли, была переведена в штаб отдела дивизии, позже – в штаб корпуса. Все это было там, в Маньчжурии. В Москву я вернулась

только в начале 1946 года, но ненадолго: генштаб отправил меня в Японию, где мне пришлось работать переводчиком.

– *Ольга Георгиевна, насколько, по-вашему, справедливо высказывание «фронтное братство»?*

– У меня очень долго продолжались контакты с моими товарищами из нашей разведроты. Хорошие ребята. Многие из них после войны обосновались в Одессе, стали инженерами-кораблестроителями, моряками. Ежегодно в День Победы они приезжали в Москву, где мы встречались у пар-

торга нашей роты. А потом его не стало, ушли из жизни и многие наши разведчики. Да и возраст уже не тот, чтобы совершать дальние переезды. Я ведь в разведроты самой молодой была. Так что сейчас контакты ослабли. Контакты, но не память.

– *А с фронтовиками-коллегами вы о войне не вспоминали? Скажем, с Анатолием Георгиевичем Бочаровым?*

– С Анатолием Георгиевичем я знакома еще с филологического факультета. Он был секретарем сначала комсомольской, потом партийной организации. Но по-настоящему близко познакомилась уже на факультете журналистики. Это был выдающийся ученый, подчеркиваю, выдающийся. Подробности нашего фронтового прошлого мы с ним не воскрешали в беседах, у каждого было свое. Но знаю, что он был на настоящем фронте, воевал с оружием в руках. Как жаль, что Анатолий Георгиевич рано ушел из жизни.

– *Мы заговорили о факультете журналистики, на котором мы учимся, а вы столько лет*

работаете. Как случилось, что вы, специалист в японском языке, стали преподавателем, доцентом нашего факультета?

– Когда я с большим трудом демобилизовалась из армии, мне хотелось продолжить образование. К этому времени я уже стала москвичкой, поэтому решила пойти учиться на филологический факультет Московского университета. Но учебный год уже месяца два как начался, и меня пригласили прийти на будущий год. А учиться на филфаке очень хотелось, тем более что там, я заметила, появилось новое отделение — журналистики. И вот иду я, расстроенная, по улице Горького и встречаю своего фронтового товарища. «Как дела?» — спрашивает. «Да вот, не берут меня в университет», — вздыхаю в ответ. А он — человек решительный: «Давай напишем заявление, и иди с ним в Министерство образования». Так и сделали. Вхожу в приемную министра, а секретарша радостно меня приветствует: «Проходите, вас ждут». Наверное, перепугала меня с кем-то. Ну, я вошла и молча положила министру заявление на стол. Тот прочитал. «Может, вам лучше учиться на востоковедении?» А я упорствую: «Нет-нет, только на филологическом, и, пожалуйста, напишите: отделение журналистики». Так я оказалась на филфаке, в третьей английской группе. А третья английская группа — это уже отделение журналистики.

Все это происходило в 1949 году. Когда я училась на четвертом курсе, отделение отмежевалось от филфака и стало самостоятельным факультетом. А в 1954 году я окончила университет,

была оставлена в аспирантуре, стала преподавать. На первых порах занималась восточной печатью, а потом пришлось осваивать общие курсы зарубежной журналистики и истории зарубежной печати. Двадцать лет я была заместителем декана по научной работе. А сейчас являюсь доцентом кафедры зарубежной журналистики и литературы. Часто мне приходится присутствовать при защите дипломных сочинений. И не скрою, мне очень приятно читать работы, связанные с историей печати и особенно с литературой. Без знания литературы, истории, русского и иностранного языков невозможно стать образованным человеком, каким обязан быть журналист.

– Ольга Георгиевна, каким вам видится нынешнее студенчество?

– У меня, как правило, складываются добрые отношения со студентами, я поддерживаю связи со многими выпускниками. И тем не менее должна сказать: меня удивляет, что у многих студентов и даже аспирантов общий культурный уровень стал ниже. Видимо, дает себя знать прохладное отношение студентов к литературе. Конечно, вы все владеете современными техническими средствами, компьютером и Интернетом, и это хорошо. Но я боюсь, что чрезмерное увлечение современными технологиями гасит в молодежи интерес к общечеловеческой культуре. А без нее никуда не денешься — ни в смысле нравственности, ни в смысле профессии. Только высокообразованному человеку под силу постичь все, что потребует от него жизнь.

«ОН СТАЛ ПЕРВЫМ ЗАВЕДУЮЩИМ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ...»

ПОРТЯНКИН Иван Акимович (1905, д. Круча, Саратовской обл. — 1965, Москва) — заведовал кафедрой истории партийно-советской печати факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор.

В числе научных работ:

Большевистская печать в годы первой русской революции, 1956;

Рабочая печать в период борьбы за создание Коммунистической партии Советского Союза, 1956;

Редакторская и публицистическая деятельность В.И. Ленина, 1959;

Большевистская печать. Краткие очерки истории, 1962.

Награжден орденами и медалями.

Разными путями шли в журналистику бывшие солдаты и офицеры Великой Отечественной. Но если для кого-то это и было стечением обстоятельств, но только не для Ивана Акимовича Портянкина, профессора, доктора исторических наук, первого заведующего кафедрой истории партийно-советской печати. Всю свою жизнь он

посвятил отечественной журналистике. Увлеченность любимым делом Ивана Акимовича невольно подхватывалась его учениками. Что уж говорить о дочерях! Две из них учились на нашем факультете, а Лилия Ивановна, более того, пошла по стопам отца и много лет проработала на кафедре периодической печати. Лилия Ивановна защитила кандидатскую диссертацию, стала старшим преподавателем. У нее мы и решили взять интервью, чтобы больше узнать об Иване Акимовиче.

– *Лилия Ивановна, есть такая поговорка: «на роду написано». Какая судьба была предназначена Ивану Акимовичу?*

– Отец родился 4 ноября 1905 года в деревне Круча Саратовской области в семье потомственного хлебороба Акима Григорьевича. А вот стать землепашцем, идти по стопам предков не захотел и после школы, в 1923 году, перебрался в сибирский город Камень-на-Оби. Там выходила газета «Наша деревня», где он начал сотрудничать и довольно скоро стал ответственным секретарем. Интересно, что свои заметки он подписывал псевдонимом Иван Байкалов.

– *А как случилось, что журналистские пути-дороги привели его в Москву?*

– Журналистике Сибири нужны были профессионалы. И молодой, способный журналист Иван Портянкин был отправлен для получения образования в Москву, во Всесоюзный коммунистический институт журналистики. Через три года он его окончил и за отличные успехи был направлен в аспирантуру. Началась его преподавательская и научная деятельность, появились первые теоретические труды, посвященные пролетарской печати.

Эта работа очень увлекла отца, но ее пришлось прервать. Новосибирский краевой комитет партии вскоре отозвал его из Москвы и утвердил заведующим отделом печати крайкома. Во второй половине 30-х годов И. А. Портянкин становится редактором краевых газет «Красное знамя», издававшейся в Томске, и «Алтайская правда», выходившей в Барнауле.

А в 1938 году последовало новое назначение – решением крайкома отец был переведен снова в Москву, где был утвержден заместителем редактора газеты «Труд», позже – редактором газеты «Социалистическое земледелие». Отсюда он ушел на фронт.

– *Начавшаяся война перевернула жизнь людей. Вся страна работала по одной специальности: «защита Родины». Какими были эти годы для Ивана Акимовича?*

– Война началась для него в июле 41-го. 25-го числа офицера Вооруженных Сил Портянкина

призвали на Карельский фронт. Оказалось, что и здесь необходим его богатый журналистский опыт: отец стал начальником отдела информации и военным редактором. В конце 41-го года – заместителем редактора газеты «В бой за Родину», затем – редактором газеты 7-й Воздушной Армии «Боевая вахта». Здесь он встретил Победу.

Какой у редактора армейской газеты была жизнь на фронте? Наверное, такой же, как у всех фронтовых корреспондентов:

*От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С «лейкой» и блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли.*

– *А в мирной жизни Ивана Акимовича фронтовой опыт газетчика был востребован?*

– В Москву отец вернулся лишь в августе 45-го и получил назначение на должность заместителя главного редактора газеты ВВС СССР «Сталинский сокол». Но ему очень хотелось продолжить образование, и он поступил на заочное отделение факультета журналистики Военно-Политической Академии. Через три года, окончив академию, он возглавил ее кафедру журналистики. А одновременно начал преподавательскую деятельность на отделении, а потом и на факультете журналистики МГУ. Факультет сразу же завоевал его сердце. Уже в сентябре 1960 года Иван Акимович вышел в отставку и, оставив работу в Академии, полностью посвятил себя Московскому университету.

Он довольно быстро стал доцентом, читал лекции об истории рабочей печати в России, о советской военной прессе. Работы за подписью «Портянкин» публиковались в каждом номере журнала «Советская печать». В 1961 году он защитил докторскую диссертацию и вскоре стал первым заведующим кафедры истории партийно-советской печати. Это не мешало ему ездить по стране и читать лекции во многих крупных университетах Советского Союза, где были созданы факультеты и отделения журналистики, – в Узбекистане и Прибалтике, в Ленинграде и Львове. Его учениками можно считать практически всех выпускников 1952 – 1965 годов.

Одна из таких поездок – в Ташкент – закончилась трагически. Вернувшись в холодную Москву из страшной жары, он тяжело заболел. 27 мая 1965 года Ивана Акимовича не стало.

– *Как вам кажется, Лилия Ивановна, профессор Портянкин был строгим преподавателем?*

– В Университете его считали справедливым преподавателем. Он сам не раз говорил, у него «рука не поднимается» ставить двойки. И уж если двойка все-таки поставлена, все понимали, что за дело, и не обижались.

В 1963 году на студенческом «капустнике» прозвучало такое четверостишие, посвященное заведующему кафедрой Портянкину:

*Язык его предельно сочен –
Такая у него тенденция:
Корреспонденция – не очерк,
А очерк – не корреспонденция.*

Несмотря на внешнюю строгость, Иван Акимович всегда был очень внимателен к окружающим. Очень трогательно написал о нем наш коллега, профессор Рафаил Павлович Овсепян: «После 15 лет журналистской практики, в

35 лет, я пришел на факультет. Когда переступил порог факультета, первым человеком, который заговорил со мной о будущем, был Иван Акимович. Такой доброжелательности, такой неподкупной искренности я больше не встречал. Иван Акимович был эталоном добропорядочности, отцовской озабоченности о судьбе человека... С Иваном Акимовичем лично для меня связан процесс осознания той цели, к которой я стремился».

И вот еще о чем хочу сказать. Всю жизнь Иван Акимович Портянкин любил одну женщину – свою жену Марию Ивановну Недогарко – и детей: меня и четырех моих сестер. Даже находясь на фронте, в тяжелейших условиях, он старался, как мог, заботиться о нас. Вернувшись с войны, отец всегда с огромной радостью встречался с однополчанами, но никогда не любил вспоминать войну и рассказывать о ней.

«ЦАРИЛО НАПРЯЖЕННОЕ ОЖИДАНИЕ, ВСЕ МОЛЧАЛИ, БОЯСЬ ПРОИЗНЕСТИ ВСЛУХ СЛОВО, КОТОРОГО ТАК ДОЛГО ЖДАЛИ...»

ПОЧТЕННАЯ Тамара Георгиевна (1923, Гжатск Смоленской обл.) – доцент кафедры стилистики русского языка.

1950 г. – окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

С 1953 г. работает на факультете журналистики.

1955 г. – кандидат филологических наук.

1964 г. – доцент.

26 научных работ, в их числе:

Практикум по современному русскому литературному языку. Орфография (в соавт), 1964;

Практикум по современному русскому литературному языку. Пунктуация, 1964;

Русский язык. Синтаксис: Учеб. пособие, 1977;

Современный русский язык. Контрольные упражнения по синтаксису, 1983;

Современный русский язык: Учебник (в соавт), 1984.

Награждена орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги» «За победу над Германией» и др.

Награждена нагрудным знаком «МГУ – ветеран войны 1941 – 1945 гг.».

Одним из обязательных условий для создания литературных произведений классицизма были «говорящие» фамилии. Сама судьба, видно, подарила Тамаре Георгиевне Почтенной фамилию именно такую. К этой женщине просто невозможно относиться без глубокого уважения и искреннего почтения. И не только потому, что она всю свою жизнь посвятила нашему факультету, работая здесь с самого его основания. Тамара Георгие-

вна – фронтовик, кавалер многих боевых наград, одна из тех, кто в грозное военное время встал на защиту Родины и выполнил свой долг до конца.

Беседуя с Тамарой Георгиевной, мы почувствовали – с нами делятся самыми сокровенными воспоминаниями. Открывается то, чем жили наши сверстники шестьдесят с лишним лет назад, что заставляло их по дорогам войны идти с честью.

«Я родилась в городе Гжатске Смоленской области. Именно через наш городок во время войны постоянно, и утром и вечером, летали немецкие мессеры на Москву, чтобы сбрасывать там бомбы. После войны от города практически ничего не осталось, повсюду были развалины, заросшие лопухами...

18 июня 1941 года я окончила школу, но уже 22 июля весь мой класс был мобилизован, а здание школы превратили в госпиталь. Вчерашние школьники, мы не знали, что такое война, нам было сначала весело и интересно. Казалось, что ничего страшного не происходит. Мы готовились не к войне, не к сражениям и смерти, а обсуждали, кто куда собирается пойти учиться дальше.

А потом нас увезли. Начало войны для всех было покрыто тайной, мы не знали, куда и зачем надо ехать. Нам сказали: «Вы нужны фронту» – и все. Родителям запретили нас провожать, даже документы не разрешили взять с собой. Правда, отец все равно заставил меня захватить с собой паспорт и копию аттестата.

Отправили нас сначала в смоленские леса. Жить приходилось в шалашах, спать под елками. И постоянно дежурить, ходить на разведку и за едой, узнавать, где немцы. Иногда, когда враги подходили особенно близко, пили воду из болота, но, что необыкновенно, ни одна зараза меня тогда не взяла. Уставали так, что уже ничего не чувствовали.

Мы сразу же попали в самое месиво. Немцы стремительно продвигались по Минскому шоссе, как будто специально для них построенному незадолго до войны. Напряженность чувствовалась во всем. Помню, как накануне моей первой встречи с фашистами в смоленских лесах все ходили хмурые, друг с другом не разговаривали, только показывали пальцами кольцо. Я тогда совсем не понимала этого странного знака. Только потом кто-то из старших объяснил, что мы попали в немецкое окружение. Рано утром мы увидели, что немцы, чтобы отрезать нам пути отступления, подожгли вокруг лес. Больше всего я боялась плена и молила Бога, чтобы не ранило...

Из моих одноклассников практически никого не осталось. Из двух больших классов уцелело человек пять-шесть: кто-то попал в плен и чудом уцелел, кто-то оказался в Германии, но большинства не стало. Одна девочка, Лида Петрова, приезжала уже после войны из Германии. Ее туда в юности увезли,

она там и осталась – вышла замуж, родила детей. А в Россию Лида много-много раз приезжала. Но по ее поведению, обращению с нами, характеру было видно, что она стала другой, не такой как мы – «не нашей».

О своих родных я тоже почти ничего не знала. Мои родители и тети, как и другие жители Гжатска, были отправлены взявшими город фашистами в Германию «помогать немецкому народу». Но почему-то их высадили в Польше. Потом в 44-м году мне на фронт пришло письмо, из которого я узнала, что мама и тети живы и находятся в Барановичах. Я, конечно же, попросила увольнительную и на попутных машинах поехала к маме. Я тогда была очень смелая, может быть, потому,

что не знала еще, что такое страх. Когда мама в Барановичах увидела меня, она сначала вообще ничего сказать не могла – им сообщали, что обо мне ничего не известно и что, скорее всего, я погибла.

С братом моим мне на войне тоже довелось увидеться. По военно-полевой почте мне пришел «треугольничек» – письмо без конверта, сложенное треугольником, – что он неподалеку, в соседней части.

Но одна долгожданная встреча на фронте так и не состоялась – встреча с мальчиком, моей первой любовью. Дружили мы

еще в Гжатске. А во время войны мне пришел вот такой же «треугольничек» – привет от него. Оказалось, мы были совсем рядом. Но на следующее утро, когда я уже было приготовилась брать увольнительную, пришел приказ идти в наступление... На войне нельзя было знать, что с тобой произойдет завтра.

Помню, когда мы стояли в одной деревне, там рядышком расположился артиллерийский отряд. Молодые ребята. Веселые и талантливые: кто танцевал, кто пел, кто выбивал чечетку. И мы с ними устроили концерт для всей деревни. Я в паре пела «Мой миленький дружок». Хорошо так было, беззаботно. Мы совсем забыли, что рядом идет война... А на следующий день эти ребята пошли в бой, из которого мало кто вернулся. Для нас это был шок – еще вчера мы с ними разговаривали, а сегодня их уже нет...

Из-за того, что были ожесточенные бои и страшные потери, в армии происходили постоянные передислокации. Так и получилось, что я сначала шла с 19-й армией до Москвы, потом с

48-й и 49-й. Закончилась для меня война в Восточной Пруссии в городе Эльминге.

Я очень хорошо помню день Победы. Он был таким же светлым, таким же солнечным, таким же ярким, безмятежным, зеленым, как и первый день войны. Но ничто не радовало. Царило напряженное ожидание, все молчали, боясь произнести вслух слово, которого так долго ждали... И вдруг в середине дня увидели, что кто-то бежит и кричит: "Победа! Победа!"... Описать это состояние счастья невозможно. Сначала все словно опешили и стояли, не шевелясь. Ну а потом уж были и возбужденное ликование, и музыка, и праздничный стол.

Конечно же, когда 9 мая 1945 года война официально была объявлена законченной, на самом деле она еще продолжалась. Меня из армии еще долго не хотели отпускать. Но я очень хотела учиться, и своего добилась.

Я хотела пойти учиться в консерваторию, у меня был неплохой голос. Но оказалась на филфаке МГУ. Поступила как раз по той копии аттестата, которую меня отец заставил сделать перед войной.

Когда я на отлично закончила филфак, меня рекомендовали в аспирантуру. А свою преподавательскую деятельность в 1953 году я начала уже на факультете журналистики и всегда работала только здесь. До войны у меня были большие спо-

собности к точным наукам: химии, физике, математике, а русский язык и литература как-то мало меня тогда интересовали. Но судьба распорядилась иначе, и я несколько об этом не жалею.

У меня было несколько командировок в Германию, в ГДР, куда мы отправлялись, чтобы учить немцев русскому языку. Я ездила туда с удовольствием и гордостью за Советский Союз. Ненависти к немецкому народу я никогда не испытывала, понимала, что все люди разные и не все они виноваты в том, что произошло. Я не могу забыть лица немецких детей, которые во время войны бежали за нашим грузовиком и просили хлеба. У меня с собой ничего не было, а наши солдаты стали копаться в вещмешках и доставать оттуда съестное. Дети ведь ни в чем не виноваты. Война приносит беду, несчастье, страдания в первую очередь самым незащищенным. Война – это ужасно, и память об этом должна остаться.

Этот праздник, 65-летие Победы, наверное, будет последним юбилеем Победы в жизни фронтовиков. Прекрасно, что состоится, как в 1945-м, парад. Он нужен нам. А еще более – молодежи. И пусть его увидят те, кто за пределами России утверждает, что не мы победили, не мы защищали их жизни.»

«Я НЕ БЫЛ ПОД ОГНЕМ, НО СТОЛЬКО ПЕРЕЖИТО И ПЕРЕДУМАНО, – КОНЦА И КРАЯ НЕТ...»

РУЖНИКОВ Всеволод Николаевич (1922, Москва – 2005, Москва) – профессор кафедры телевидения и радиовещания. Учился на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, затем в Литературном институте.

1952 г. – окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б).

С 1957 г. работал на факультете журналистики.

1981 г. – кандидат филологических наук.

1992 г. – доктор филологических наук.

1996 г. – профессор.

Более 300 научных работ, в их числе:

Советское радиовещание: страницы истории (в соавт), 1976;

Основы радиожурналистики: Учеб. пособие (ред.), 1984;

В диатезоне современности. Радиовещание 80-х годов в нашей стране и за рубежом (отв. ред.), 1985;

Так начиналось: историко-реалистический очерк современного радиовещания. 1917 – 1928, 1987;

Лекции по истории отечественного радиовещания. 1895 – 2001:

Учеб. пособие, 2002.

Награжден медалями, в том числе «За победу над Германией» и др.

*Три года мы не видели друг друга.
Война сместила даты и пути.
Меня дороги уносили к югу.
Ты к северу должна была идти.*

*Я не был под огнем. А ты... А ты была там,
Где жизнь и смерть в соседстве и родстве.
Но, как и ты, я был простым солдатом,
Из тех, что каждый уносил рассвет.*

*Я не был под огнем, но столько пережито
И передумано – конца и края нет.
Оглянешься и голова кружится:
Какая ширь в плечах у этих лет!*

Эти строки написаны в 1942 году рядовым войсковой части 164 ЦАРБ ВВС КА Всеволодом Ружниковым. Что скрывается за этой аббревиатурой, разъяснил нам профессор А. В. Запатов намного позже – в предисловии к подборке стихотворений профессора В. Н. Ружникова. Эта часть, пишет Александр Васильевич, «не входила в состав Действующей армии, но несла важную патриотическую службу ремонта-лечения “раненых” самолетов военно-транспортной авиации».

«Я не был под огнем, но столько пережито...» Чувства, охватившие студента исторического факультета МГУ 22 июня 1941 года, не угасли и сегодня. Об этом Всеволод Николаевич рассказал, встречаясь с нами, 5 лет назад, в канун 60-летия Победы.

– В моем дневнике от 22 июня сохранилась запись в две строчки: «Началась война. Сегодня в МГУ обсуждали это на комсомольском собрании». Как я потом сожалел, что не отразил более подробно ту страстную атмосферу, которая царил в Коммунистической аудитории! Запомнился высокий эмоциональный накал всех выступлений. Я и сейчас помню, как горячо выступали наши, истфаковцы: Аракса Захарян, Сергей Прасолов, Серафима Антонова, Зоя Грибова, Нина Фомичева. Наташа Адлер попросила также записать в резолюции комсомольского собрания слова о твердой решимости девушек выполнить любое задание Родины. Мы тогда еще не представляли себе, какой долгой и тяжелой окажется война. Считали, что мы неизмеримо сильнее немцев и война скоро закончится.

– И каким был для вас первый год войны?

– Я рассказывал об этом в интервью, которое давал несколько лет назад вашим старшим коллегам – студентам факультета журналистики Полине Кульбацкой и Леониду Аверу. Повторю и вам. Три месяца мы копали рвы, глубокие и широкие. Рассчитывали, что немецкие танки не пройдут через них. Вздрагивали от гула немецких самолетов. Они летели в сторону Москвы. У немцев было тогда превосходство в воздухе. И все-таки на наших глазах советские самолеты вступали иногда с ними в бой. Дрались до последнего. Падали на землю, сбитые немцами. Больно было это видеть.

Для нас было загадкой, почему немцы не трогали нас. С воздуха мы были как на ладони. Нас обстреляли только 27 сентября – в тот день, когда нас отправляли назад в Москву.

А потом я, как и многие студенты, работал на заводе, переоборудованном под военное производство. Вначале я попал в цех, где производились бронебойные снаряды для противотанковых пушек Их сразу отправляли на фронт, который был совсем близко.

Вскоре меня перевели в цех, где производились мины. Я получил повышение – стал бригадиром минного потока. Ну а потом – часть 164 ЦАРБ ВВС КА. Из армии я вернулся только в октябре 1945-го.

– Вы профессор, историк отечественного радиовеещания. Какую роль сыграло радио в годы войны?

– В то время нельзя было жить, не слушая радио. Основу радиопрограмм составляли сводки Совинформбюро, из которых советские люди на фронте, в тылу и на временно оккупированных врагом территориях узнавали о последних событиях в нашей стране и за рубежом. Радио оперативно передавало приказы Верховного Главнокомандующего, рассказывало о беспрецедентном мужестве советских людей в боях с фашистскими захватчиками, о трудовом героизме в тылу.

Передачи советского радио не давали покоя фашистским главарям. В июле 1941 года шеф нацистской пропаганды Геббельс потребовал: «Московское радио должно замолчать!» У сбитого над Москвой фашистского летчика в планшете была обнаружена карта города, где Радиокomitee (он находился тогда на Пушкинской площади) был отмечен в числе первоочередных объектов бомбежки. Но Всесоюзное радио работало бесперебойно и четко.

С лета 1941 года началась передача «Письма на фронт и с фронта». За время войны Радиокomitee получил около двух миллионов писем, на основе которых вышло свыше восьми тысяч передач. С их помощью около 27 тысяч семей нашли своих близких.

– Всеволод Николаевич, вы и слышали эти передачи, и работали с материалами как исследователь, ученый. Какими они были – письма на фронт и с фронта?

– Одна из первых передач звучала так (я привожу с сокращениями).

«Товарищи бойцы, командиры, комиссары и политработники! Если вы услышите в нашей передаче письмо своему другу, товарищу по оружию, – сообщите ему об этом...»

Красноармеец Грачев Леонид Иванович, слушайте письмо вашей сестры Нины:

“Дорогой брат! Сердечный тебе привет из города Фрунзе, где я сейчас живу. Мама и брат жи-

вут в Саратове. Все мы живы и здоровы. Мама без устали работает в военном госпитале. Брат Толя делает для фронта боеприпасы, которые он называет 'гостинцами для Гитлера'. Я изучаю военное дело и помогаю в пригородных колхозах убирать хлеб. Как видишь, каждый из нашей семьи старается помочь тебе – фронтовику – успешно громить гитлеровских бандитов. Враг будет сломлен, и мы снова соберем нашу дружную трудовую семью и отпразднуем победу...»

– Всеволод Николаевич, а как бы вы объяснили молодежи, что такое патриотизм?

– Отвечу своим стихотворением. Оно называется «Моей России». Написано 24 августа 1942 года:

*Я в полях не собирал ромашек
И грибов не собирал в лесах –
Только ты и так была мне краше
Всех земных. И тех, что в небесах.
Потому и говорю: Россия,
Я готов идти и умирать
За твои достоинства земные,
За твою особой марки стать.*

«ТЫ БЫЛ НА НАПРАВЛЕНИИ ГЛАВНОГО УДАРА...»

Слева направо: И. И. Демин,
С. И. Стыкалин, В. Б. Парамонов,
М. А. Иванов, А. Д. Щербаков

СТЫКАЛИН Сергей Ильич (1924, д. Козловка Рязанской обл. – 1979, Москва) – доцент кафедры истории партийно-советской печати.

1952 г. – окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

С 1955 г. работал на факультете.

Кандидат филологических наук.

В числе научных работ:

Советская сатирическая печать. 1917 – 1962 (в соавт), 1962;

Советская сатирическая журналистика. 1917 – 1964, 1965;

Советские сатирические журналы. 1917 – 1919 гг., 1971;

Окна сатиры РОСТА, 1976.

В. Маяковский. Собр. соч. в 12 т. (примеч.), 1978 – 1979.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Я хочу рассказать о Сергее Ильиче Стыкалине, своем отце. Так часто случается: в молодости мы стесняемся, а потом и не успеваем сказать своим близким самые важные, самые нежные слова. Они накапливаются в душе – годами и десятилетиями. Так пусть прозвучат сегодня, в дни великого праздника – юбилея Победы, который он с нами не встречает.

Аукнулась война, догнала Сергея Ильича – в его расцвете, в полете. 54 года жизни – так мало! Мы с отцом – уже почти ровесники. О той войне он скупно рассказывал, зная, как это больно и страшно. И редко когда надевал орденские планки. А вот дневники показывал. Те, что вел мальчишкой в свои неполные семнадцать лет, находясь в народном ополчении – в рядах 2-го батальона Рязанского добровольческого рабо-

чего полка, куда вступил уже в июне 41-го. Бисерными буквами, почти сводящимися к прямой линии, он писал о том, что происходило с ним и вокруг. Как рыли окопы. Как артиллерийский снаряд угодил в бомбоубежище, в котором прятались ребяташки-детсадовцы и их воспитатели.

А вот фронтовой фотографии, на которой отец – молодой, кудрявый, с наградами, не сохранилось. Когда-то он без колебаний отдал ее в мою школу, где планировалось создать уголок боевой славы. Там она и сгинула. Хорошо, что в школе не интересовались значком «Ворошиловский стрелок» – у папы был и такой. Или значком, которым гордились целинники, среди которых был Сергей Стыкалин. Прошло много лет, прежде чем я начала понимать, как он был

оскорблен и глубоко травмирован тем казенным равнодушием и пренебрежением.

Солдат Великой Отечественной, Стыкалин шел от Сталинграда до Берлина, получая ранения и награды. Это я знала с детства, плохо представляя детали военных операций. По-военному точен бывший фронтовик, близкий товарищ и однокурсник Сергея Ильича, профессор нашего факультета Иван Васильевич Кузнецов, написавший «Слово о друге» в книге «Полвека на Моховой»:

«Ты был на направлении главного удара. Прорыв глубоко эшелонированной обороны противника на западном берегу Вислы южнее Варшавы, штурм столицы Польши, городов Сохачев, Скерневице, Ловач, Аргенау, Лабишин, вторжение в пределы немецкой Померании и овладение городами Вольденберг, Дризен, Шенланке, а также важными опорными пунктами обороны немцев на Штеттинском направлении, ликвидация сильно укрепленного плацдарма немцев на правом берегу реки Одер восточнее Штеттина, прорыв сильно укрепленной и глубоко эшелонированной обороны немцев, прикрывавшей Берлин с востока, стремительное наступление на Берлин – это далеко не полный перечень боевых операций, в которых ты участвовал лишь в январе – апреле 1945 года. Именно в это время ты был удостоен ордена Красной Звезды, а еще раньше награжден медалями “За отвагу”, “За оборону Сталинграда”, “За освобождение Варшавы”...»

Не понимаю, как отцу в тревожные и короткие моменты затишья удавалось делать карандашные зарисовки вроде тех, что были сделаны на Одере 17 апреля 1945 года, накануне решающего штурма. Эти рисунки – как письма от отца.

Сталинград был ему особенно дорог, хотя после войны папе так и не довелось там побывать. В конце марта 1979 года я, вернувшись из командировки в Волгоград, привезла красочный фотоальбом о Мамаеве кургане. Отец угасал. Ему, как оказалось, оставалось полмесяца жизни. Но пока хватало сил, он возвращался к этому альбому, и в глазах его, затуманенных болью, проступало нечто особенное. Воспоминания, наверное.

Сергей Ильич, Сережа... Последнее обращение было более распространено – папа невероятно быстро обрастал друзьями. Мне, тогда еще девочке, было трудно судить о том, товарищи это были или просто знакомые – со всеми он держался одинаково: доброжелательно и сердечно. Такая открытость, душевность не многим дана, она сродни таланту. Этим даром отец был наделен щедро и не берег его.

Наверное, он не мог не стать секретарем партийной организации факультета. И он был им – многие годы. Сейчас не очень любят указывать этот факт биографии. Сейчас стало модным кичиться тем, что в «час икс» – безопасный для карьеры и положения – партбилет был брошен на стол. Уверена: никогда, ни при каких обстоятельствах коммунист Сергей Ильич Стыкалин не сделал бы этого. Он вступил в партию на фронте, и лично к нему обращался призыв: «Коммунисты, вперед!» Коммунистом он шел в атаки и остался им до конца. А секретарем парткома отец был удивительным: до сих пор приходится слышать истории о том, как он действовал «не по инструкциям», спасая от «волчьего билета» какого-нибудь случайно оступившегося бедолагу-студента. И при этом не переставал быть человеком принципов.

Жизнерадостный и жизнелюбивый, Сергей Ильич любил смех и тему для своих научных исследований подобрал соответствующую: отечественная сатира. Все делал тщательно и кропотливо, потому, наверное, и затянул с докторской диссертацией, завершить которую не успел. А истоки... Их надо искать в детстве. С девятого класса у отца хранится книжица, в которой записывалось все, что им читалось. Если подсчитать, в сумме получится вся русская и зарубежная классика.

С Москвой связана вся послевоенная жизнь отца. Он очень любил и этот город, и особенно факультет, на котором так долго и так плодотворно работал. И все же сердце его принадлежало «малой родине» – Рязани. Его тянуло к бескрайним просторам заливных лугов Оки, к Рязанскому Кремлю, поблизости от которого находился дом его родителей, и приехав сюда, Сергей Ильич чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Без чего еще он не мог обходиться – без леса. Как запахнет грибами – он отправлялся на «тихую охоту». Помню, даже с партийных семинаров в Красновидово возвращался с портфелем, туго набитым... подберезовиками и сыроежками.

Офицер запаса, он дослужился до капитана. Человек мирной профессии, он сам подсмеивался над своим новым званием, а надо мной подтрунивал, называя «капитанской дочкой». Смех-смехом, а шутка с подтекстом. А. С. Пушкин свою повесть не зря предварил эпиграфом: «Береги честь смолоду». Вот такая она, отцовская наука. Спасибо, родной. И с праздником.

«ТАК БЫВШИЙ МИНОМЕТЧИК СТАЛ ФРОНТОВЫМ ЖУРНАЛИСТОМ...»

ШИМАНОВ Николай Антонович – был доцентом кафедры периодической печати.

В 1930 г. окончил Северо-Кавказский ГУ.

Кандидат филологических наук.

Подполковник в отставке.

Листаем архив, в котором собраны публикации о сотрудниках факультета – ветеранах войны и труда. Значительная часть статей и заметок подписаны Т. М. Черновой.

Член Союза журналистов СССР Татьяна Михайловна Чернова работала на нашем факультете немногим более десяти лет. Сама фронтовичка, прошедшая через войну в качестве штабного работника 3-го Прибалтийского авиаполка, она была хранительницей Музея славы факультета. И ее рассказы на страницах газеты «Жур-

налист» о коллегах – участниках Великой Отечественной – стали очень яркой составляющей этого музея.

В некотором сокращении мы приводим одну из работ Татьяны Михайловны.

«Подполковник в отставке Николай Антонович Шиманов перед войной работал старшим научным сотрудником Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), преподавателем в Ленинградском коммунистическом институте журналистики (КИЖ). Там же защитил кандидатскую диссертацию и получил звание кандидата филологических наук. В этом звании он и начал войну как минометчик 378-го отдельного минометного дивизиона 13-й стрелковой дивизии 42-й армии Ленинградского фронта.

Ленинградец до весны 1943 года, Н. А. Шиманов был непосредственным участником боевых действий на Пулковских высотах. Здесь с его участием издавался солдатский окопный рукописный журнал «Минометчик». И когда один экземпляр этого журнала попал в политический отдел 42-й армии, заместитель начальника политотдела заинтересовался тем, кто редактирует журнал «Минометчик». Ему сообщили, что редактирует его кандидат филологических наук, бывший старший научный сотрудник и преподаватель КИЖа, ныне минометчик Шиманов. Так Николаю Антоновичу была уготована новая судьба.

Я держу в руках документ военных лет: предписание Шиманову Н. А. убыть в распоряжение

армейской газеты «Удар по врагу» на должность старшего литературного сотрудника. Сбоку четким почерком резолюция: «Начальнику АХО. Прошу принять на довольствие. Редактор С. Седунов».

Сохранилась еще одна бумага о нагоне № 30073-83, выданном Николаю Антоновичу в качестве личного офицерского оружия. Так бывший минометчик стал фронтовым журналистом.

В любых условиях Николай Антонович стремился сделать свои выступления острыми, зовущими в бой. Он сохранил до наших дней документы, оригиналы документов времен военного лихолетья. И вот теперь с волнением читаем мы ставшие историей строки.

Фронтовой газетчик писал: «Всмотрись в эти снимки, товарищ! Всмотрись внимательно! Вот что делают немецкие изверги с нашими бойцами, попавшими в их лапы. Всмотрись! Подумай! Запомни! Запомни исковерканные мукой тела, запомни кровавую звезду на теле товарища. Навсегда запомни!»

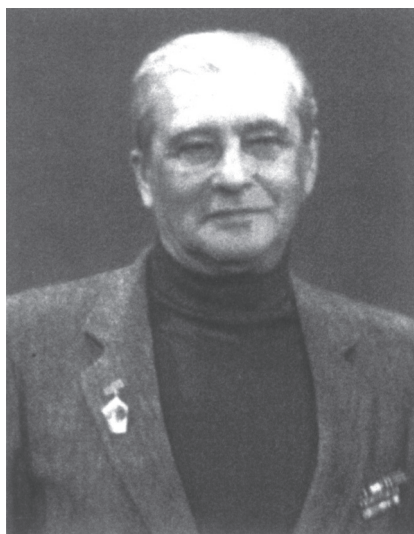
Бывший сотрудник армейской газеты сделал с документов фотокопии и теперь не только учит будущих журналистов, но и воспитывает патриотов на примерах фронтовой жизни.

... В Коммунистической аудитории с воспоминаниями о войне выступает ветеран факультета и ветеран войны Николай Антонович Шиманов. Коренастый, пожилой, среднего роста человек в черном опрятном костюме. Заметно волнуется. Когда он показывает своим слушателям публикации военных лет, дви-

жения его становятся стремительными; выразительное лицо, обрамленное острой седой бородкой, светится быстрым, пронизательным умом.

Доцент Николай Антонович Шиманов отдал большую часть сбереженных им реликвий боевой славы в факультетскую библиотеку.»

ЛЕТОПИСЕЦ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ, ЛЕТОПИСЕЦ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

ЮРОВСКИЙ Александр Яковлевич (1921, Ташкент – 2003, Москва) – профессор кафедры телевидения и радиовещания.

1948 – окончил редакционно-издательский факультет Московского полиграфического института.

С 1958 г. работал на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

1963 г. – кандидат филологических наук.

1973 г. – доктор филологических наук.

1976 г. – профессор.

В числе научных работ:

Специфика телевидения, 1960;

Об искусстве телевидения, 1965;

Основы телевизионной журналистики: Учебник (в соавт), 1960, 1977;

Телевизионная журналистика: Учебник (в соавт), 1994 – 2004 (5 изданий).

Заслуженный профессор Московского университета.

Награжден боевыми орденами и медалями.

У летописи Великой Отечественной войны в «телевизионном формате» есть свое название – «Стратегия Победы». Семнадцатисерийный документальный фильм. Фронтовая хроника ранит душу. Сказать, что этот фильм незабываем – ничего не сказать. Смотришь – комок подступает к горлу. Так рассказать о войне мог только тот, кто сам побывал в ее горниле. И так сложить из отдельных кадров хроники целостное полотно мог только высокий профессионал.

В титрах трех серий, в том числе «Грозное лето» и «Освобождение Европы», значится имя сценариста: Александр Юровский. Маэстро телевидения и бывший фронтовик. Не понаслышке, не по книгам знает он, что чувствует человек на войне, что стоит за отрывистой командой «Огонь!». Закавказский фронт, 8-я бригада ПВО 49-го отдельного зенитно-пулеметного батальона. Позже – Крымский фронт, 12-я отдельная стрелковая бригада.

Александр Яковлевич был командиром орудия, артиллеристом. В двадцать лет – заместителем политрука батальона. И восьмьсот человек –

почти все намного его старше – обращались к нему не иначе как «комиссар». А комиссар всегда был впереди, вел людей за собой, помогая им преодолеть нерешительность и страх. Получив ранение и сделав на бегу перевязку, возвращался в строй, как случилось в одном из боев. Среди многих боевых наград есть у Александра Яковлевича орден Славы – высшая награда за личное мужество.

Воспоминания Александра Яковлевича о фронтовых соратниках вылились в короткую фразу из сценария фильма «Стратегия Победы»: «Будут драться до последнего, но не сдадутся». К такому разряду людей относится и автор этих слов.

Интерес Юровского к документалистике проистекает из военных лет. И именно этот интерес в 1954 году заставляет его отказаться от работы в «Огоньке» и принять предложение стать ответственным редактором общеполитических программ Центрального телевидения, затем – главным редактором кинопрограмм. Так продолжалось до начала 60-х годов. «Но тут узнал о

создании на факультете журналистики МГУ кафедры телевидения. И пришел, – рассказывает Александр Яковлевич в одном из интервью. – Хотелось, наверное, позаниматься вопросами теории тележурналистики. Тем более что в те годы научных исследований по этой теме в нашей стране, да и за рубежом, почти не проводилось.»

Исследователем А. Я. Юровский оказался столь же талантливым, как и тележурналистом. Он стал первопроходцем в изучении проблем развивающегося телевидения и одним из авторов учебника «Основы телевизионной журналистики», по которому студенты занимались двадцать лет. «Но ведь телевидение, как и все остальное, не стоит на месте, постоянно развивается. За двадцать лет учебник успел “состариться”. В 1987 году вышло второе издание “Основ тележурналистики”. А по существу это был новый учебник – до такой степени мы его переработали», – говорится в том же интервью.

Александра Яковлевича волновали разнообразные проблемы теории телевидения, в не меньшей степени его история. Многочис-

ленны его научные и научно-популярные труды, которые востребованы всегда. Летописец Великой Отечественной, летописец отечественного телевидения... Наверное, для профессора Юровского было очень важным – знать истоки и сохранять это знание для потомков – чтобы помнили...

В сценарии фильма «Стратегия Победы» читаем: «Язык войны – жестокий язык. В разгар боев, когда за каждой оплошностью зримо или незримо присутствует ее цена – людские потери – начальники редко хвалят своих подчиненных. Одобряют – коротко, благодарят – скупое, требуют – постоянно, а хвалят и награждают потом, когда все, что приказано было сделать, – сделано, когда все уже позади...». Как жаль, что сегодня, в дни великого праздника, Александру Яковлевичу не доведется услышать от будущих журналистов идущие от сердца слова благодарности...

«Что заключает в себе слово “патриотизм”? Наверное, простое отождествление судьбы Родины со своей собственной...» Так думал Александр Яковлевич Юровский. Так он жил.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Перед вами наш сборник. Поставлена последняя точка. И все же хотелось бы завершить его небольшим постскриптумом.

Мне ежегодно доводится участвовать в работе комиссии по творческому конкурсу – непременно атрибуту вступительных экзаменов на факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. С ужасом наблюдаю с каждым годом становящуюся все более заметной страшную тенденцию – для сегодняшних школьников Великая Отечественная война превращается, если уже не превратилась, в «terra incognita», нечто далекое и чужое. И это в России, где не было такой семьи, которая бы не оплакивала погибших! Неужели растут поколения «иванов, не помнящих родства»?!

Но вот студенты редакционно-издательского отделения взялись делать обязательную учебную брошюру. Они были вправе самостоятельно выбрать тему предстоящего издания. Споры оказались бурными и жаркими. Но они мгновенно прекратились, когда кто-то из студентов предложил рассказать в брошюре о своих наставниках-фронтовиках. Не могу этого не отметить. Значит, не прерывается связь времен. Значит, не так уж недосыгаема для молодежи та нравственная высота, которую задали наши коллеги, участники Великой Отечественной. А работа над этой брошюрой, я убеждена, еще больше приблизила ребят к тем ценностям, благодаря которым и осуществился величайший праздник – Победа.

*О. С. Стыкалина,
старший преподаватель кафедры
редакционно-издательского дела и информатики.*

Для нашей Родины всегда будет святым день 9 мая, и всегда люди мысленно будут возвращаться к маю 1945 года. В те весенние дни был закончен великий путь, отмеченный многими жертвами, и наш человеческий долг: поздравляя друг друга с праздником, всегда помнить о тех, кого нет с нами, кто пал на войне.

Празднуя Победу, мы всегда будем вспоминать, какие качества нашего народа помогли одолеть врага. Терпение. Мужество. Величайшая стойкость. Любовь к Отечеству. Пусть эти проверенные огнем войны качества всегда нам сопутствуют. И всегда победа будет за нами.

С праздником, дорогие друзья!

Г. К. Жуков,
Маршал Советского Союза
Май 1970 г.

(Из интервью Г. К. Жукова В. Пескову)

1941-1945

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ	3
Беглов Спартак Иванович.....	5
Бочаров Анатолий Георгиевич	7
Гуревич Семен Моисеевич.....	9
Есин Борис Иванович	13
Западов Александр Васильевич.....	16
Кайдалова Анна Ивановна.....	18
Киселев Алексей Павлович	19
Кузнецов Иван Васильевич	21
Мишурис Александр Львович	24
Панкина Ольга Георгиевна.....	25
Портянкин Иван Акимович	27
Почтенная Тамара Георгиевна.....	29
Ружников Всеволод Николаевич.....	31
Стыкалин Сергей Ильич	33
Шиманов Николай Антонович.....	35
Юровский Александр Яковлевич	36
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	37